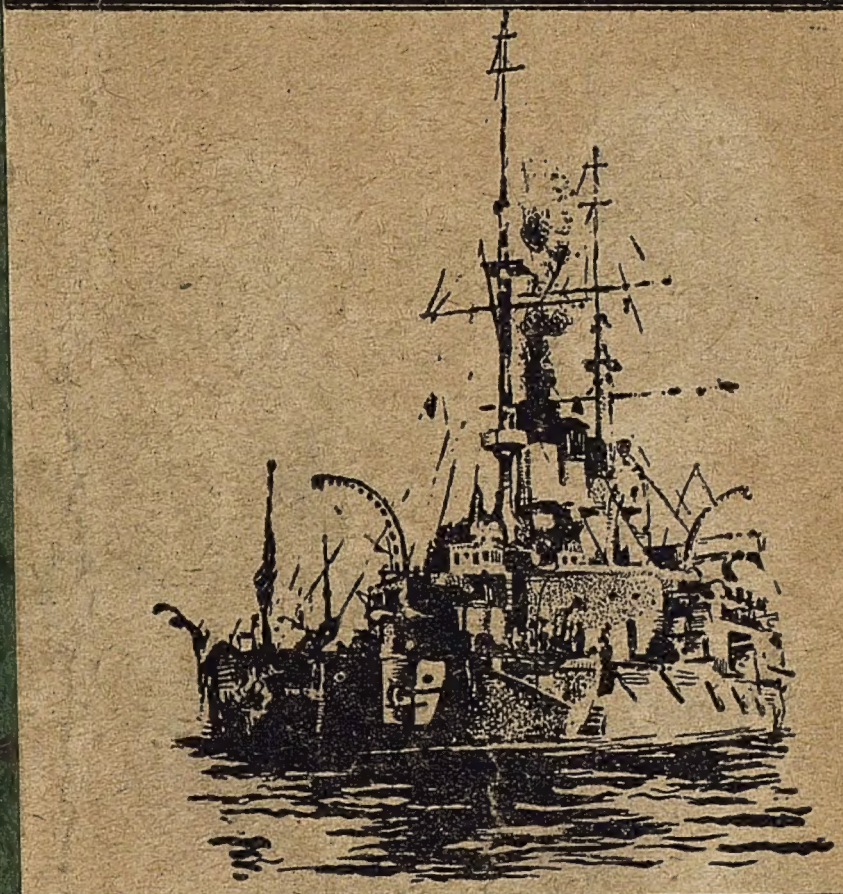
Е40
211

Н. ТЕМКИН

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ "ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ"



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

22/1

Е 40 / 2П

И. ГЕНКИН

32 3.2 (47) „19

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ „ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ“

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ
ВОССТАНИЯ

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЙ ПРЕССУ
42322/16
Инв №

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

5-я ТИПОГРАФИЯ
„ТРАНСПЕЧАТИ" НКПС
„ПРОЛЕТАРСКОЕ СЛОВО"
Южный переулок, дом № 4.
Главлит № 43.589. Тираж 5.000.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 44322 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восстание на броненосце «Потемкин Таврический» в июне 1905 года представляет собою самое значительное после «Кровавого Воскресенья» (9/22 января) революционное выступление рабочих и крестьян в матросской форме против царизма и одну из блестящих страниц Первой Российской Революции 1905 г., двадцатую годовщину которой мы празднуем в этом году.

В накаленной атмосфере недовольства затянувшейся неудачной Японской войной, в массовых выступлениях рабочих фабрично-заводских центров, явившихся живым откликом январских событий в Петрограде,—империя Романовых содрогалась от подземных толчков бушующей революционной стихии.

Наиболее чуткая часть трудящихся,—матросы Черноморского флота—не могли стоять в стороне от происходившего.

В то время рабочий класс не создал еще своих могучих организаций, своей единой партии. Р. С.-Д. Р. П. не вышла еще к тому времени на широкую дорогу сплочения пролетарских масс. С другой стороны, китайская стена, отделявшая проле-

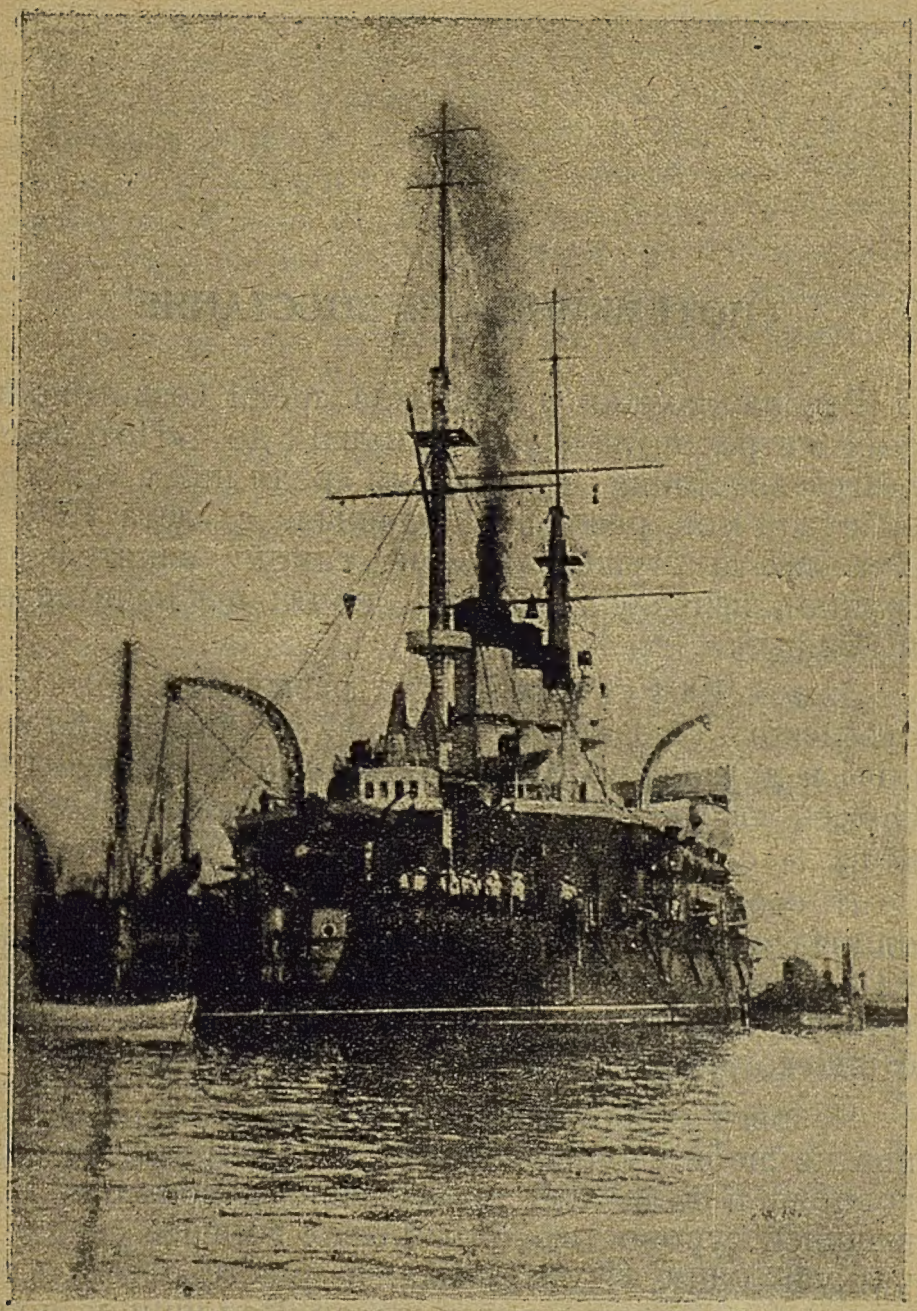
тариев фабрик и заводов от своих братьев в казарме, еще не рухнула.

И стихийно возникшее восстание потемкинцев, вначале посеявшее страх и ужас в стане врагов и восторженно встреченное пролетариями Одессы и др. городов,—уже через несколько дней осуждено было на неудачу.

Однако, несмотря на это, побежденный «Потемкин» явился грозным предупреждением для корчащегося в последних судорогах прогнившего строя.

Последующие бои черноморцев (ноябрьское восстание на «Очакове» и др.) пробили такую глубокую брешь в фундаменте царского трона, от которой он не мог уже оправиться. После 12-летней мрачнейшей реакции, последовавшей за революцией 1905 г., царский режим позорно рухнул навеки.

Рабочие и крестьяне, прочтя эту книжку, навсегда запечатлеют в сердцах своих героическую борьбу черноморцев, а красные военморы и их смена, молодая гвардия, в их великих деяниях будут черпать силы для предстоящих боев за идеи рабочего класса,—за коммунизм.



Броненосец «Потемкин Таврический».

«ПОТЕМКИНСКОЕ» ВОССТАНИЕ

Революционная пропаганда среди севастопольских матросов началась задолго до «Потемкинского» восстания. Одно время среди них с успехом работали соц.-револ., но начиная с лета 1904 г. с.-р. как-то стушевались, и самой влиятельной группой являлись соц.-дем., почти исключительно меньшевики.

Зимой 1904 г. в связи с разгромом комитета Крымского союза (арест Григория Киппена, Кузнецова и других) в Севастополь были направлены из Одессы свежие силы, и вскоре работа снова закипела.

В своей деятельности комитет организации опирался на небольшую, но энергичную группу матросов, возглавляемую «товарищем Дмитрием»—так звали машиниста Ан. Волошинова, бывшего рабочего из Донецкого бассейна.

Человек серьезный и положительный, Волошинов не любил много и цветисто говорить, но если говорил и делал, то продуманно и солидно. Под внешней суровостью он скрывал горячее сердце и чуткую душу. Неутомимый, и вместе с тем осторожный агитатор и организатор, Волошинов пользовался большим авторитетом и уважением среди матросов. Знакомством с «товарищем Дмитрием» многие из них гордились.

Волошинову удалось сорганизовать ряд кружков из матросов, и при их помощи он устраивал в балках за городом небольшие летучки и массовки. По его же предложению и настоянию матросы стали посылать обширные корреспонденции в женевскую «Искру» и «Соц.-Демократ». Нелегальная типография Крымского союза РСДРП, поставленная в Симферополе супругами Фальковскими и наборщиком М. Генкиным, выпускала десятки тысяч прокламаций по вопросам, связанным с русско-японской войной, с событиями 9 января и т. п.

Такие прокламации, как великолепно написанная «Солдатская памятка», «Пора кончать», как воззвание «Ко всему русскому народу», наконец, многочисленные листовки, освещающие выступление Гапона в Петербурге,—производили на матросов огромное впечатление.

Севастопольский комитет партии пользовался всяким удобным поводом, чтоб настроить матросов против существующей в России помещичье-монархической власти. Когда несколько сот матросов должны были уехать в Либаву, чтоб потом вместе с эскадрой адмирала Рождественного погибнуть в бою с японцами, или когда судили матросов по делу о бунте 3 ноября 1904 г., матросская организация сносилась с комитетом, и вскоре появлялись прокламации, кончавшиеся неизменным призывом: «Долой самодержавие. Да здравствует вооруженное восстание... Долой войну. Да здравствует политическая свобода»...

Условия жизни моряков создавали тогда благоприятную почву для революционной работы среди них.

Семи-восьмилетний срок службы на полутюремном положении человека, всячески оторванного от «вольных»; гнет казарменной дисциплины, с ее похабною руганью, наказанием розгами, возмутительное, теперь кажущееся нам даже невероятным, отношение к «нижним чинам» (например, «нижним чинам и собакам» запрещен был вход в городской сквер, эти же «нижние чины» не имели права посещать без особого разрешения театр, или во время езды в трамвае могли стоять только на площадке и т. д.); полукрепостнический институт денщиков, когда защитник «родины» превращался в няньку или кухарку; затем, всестороннее, у иных интендантов прямо виртуозное, обкрадывание матросского пайка; тяжелые даже для здоровяка матроса работы на военных судах и т. д.

Здесь большой агитации не требовалось.

Достаточно было малейшего толчка, чтобы поднять бунтарский дух матросов.

И недаром стихийный бунт ноября 1904 года, когда севастопольские матросы в течение 3—4 часов громили 31 и 32 морские экипажи (казармы), вдребезги разбивали окна офицерских квартир, всю их домашнюю обстановку, затем перешли к военно-морскому суду, собирались разгромить арестный дом и двинуться на город, недаром эта серьезная, но совершенно стихийная и неорганизованная вспышка вызвана была не чем иным, как запрещением адмирала Чухнина уходить из казармы в город без специального на то разрешения, без пред'явления каких-то особых, красных билетов, вместо прежних обычных белых.

Это стихийное выступление закончилось поражением, так как оно было неорганизовано, не-

своевременно. Севастопольский комитет с.-д. организации выпустил прокламацию с предупреждениями и указаниями, как не надо и как надо бороться с начальством и правительством.

Наступившие вскоре события 9 января 1905 г., волна забастовок в городах и волнения, охватившие и деревню, раскачали и казарму. Все «критически мыслящее» во флоте зашевелилось, неожиданно понадобилось живое слово, и среди матросов стали выделяться организаторы и конспираторы.

Севастопольский комитет партии почувствовал приток новой живой силы.

После того, как основоположник Крымского союза РСДРП, по тому времени хороший марксист и хороший организатор, Григорий Киппен должен был перейти на нелегальное положение, среди матросов стали работать: одессит Портной, впоследствии арестованный на загородном собрании; молоденькая курсистка из Мелитополя—замечательная ораторша, и «товарищ Ольга», как звали только что окончившую гимназию дочь местного ремесленника, Генриетту Мешман.

Крупную роль играл еще «товарищ Константин», он же Александр Алексеевич Скрыпник, брат известного партийного работника на Украине. Невысокого роста, с чахоточным румянцем, постоянно кашляющий, полуаскет, полуподвижник, безропотно и даже весело перебивавшийся с хлеба на воду на скудный оклад «профессионального революционера», тов. Константин вносил в свою работу весь пыл и энтузиазм, всю настойчивость и изворотливость агитатора. Кроме партийной работы, напряженной войны со шпиками, больших и малых дел организации, у «тов.

Константина» не было как-будто никаких других интересов *).

Вместе с «товарищем Ольгой», Константин был постоянным завсегдатаем матросских летучек и массовок, которые с соблюдением всяких конспираций и паролей устраивались за городом в балках и на полянках по Инкерманской дороге, по дороге в Херсонесский монастырь, а то и на частных квартирах.

При помощи Константина и Ольги группа матросов, с Ан. Волошиновым во главе, молча и сосредоточенно делала свое дело.

* * *

Летом Черноморская эскадра обыкновенно отправлялась в плавание для практических занятий. Собиралась она у небольшого пустынного островка Тендра, недалеко от Одессы, и посещала затем почти все порты Черного моря, а к осени возвращалась обратно в Севастополь.

Перед началом этой кампании, кстати, самой страдной поры для матросской команды, Крымский союз РСДРП выпустил специальную прокламацию, составленную самими матросами. Среди последних давно уже созревало вооруженное восстание. Правительство собиралось снова перебросить часть черноморских матросов в Кронштадт, оттуда—в воды Тихого океана; недовольство росло, и от многих приходилось слышать:

— Чего мы сидим здесь и молчим? Уж если умирать, так не от японцев и не за царя и адмиралов. Лучше погибнуть за Народ и Революцию.

---

*) Со слов крымского работника Мих. Серафимова, я впоследствии узнал, что Александр Скрыпник (тов. Константин) из Севастополя уехал на работу в Петроград, был впоследствии арестован и сослан в село Покровское, Тобольской губ, где и умер от туберкулеза.

Незадолго до этого Волошинову удалось сорганизовать нечто вроде «руководящего центра», куда входили наиболее сознательные представители большинства судов,—человек 18—20.

Матросы обратились в Севастопольский комитет с запросом: не время ли устроить восстание. Главные надежды возлагались на броненосец «Екатерина Вторая», на котором было больше всего сознательных, и команда которого еще зимой показала свою сплоченность, когда она угрозами добилась увеличения жалованья. Были солидные ячейки и на «Синопе», на «Ростиславе», отчасти на «Потемкине» и на некоторых более мелких судах и миноносцах.

Двое потемкинцев предлагали Севастопольскому комитету начать восстание, как только эскадра выйдет в плавание. Думали, как поднять это восстание. Заранее предполагалось обезвредить так или иначе офицеров, выбросить соответствующие лозунги, вызвать сочувствие всей эскадры, связаться не только с побережными городами Черного моря, но и с Петербургом и Москвой—и свалить царское самодержавие.

После долгих разговоров и обсуждений «руководящий центр» и Севастопольский комитет РСДРП решили использовать предстоящую кампанию для углубления агитации и пропаганды с тем, однако, чтобы по окончании маневров, когда вся эскадра будет в сборе, начать в Севастополе «настоящее» восстание.

Соглашаясь с этим, матросы, с своей стороны предлагали комитету откомандировать к ним на время плавания эскадры подходящего агитатора из штатских, хотя бы из рабочих порта,—матросы обещали устроить его на одном из судов.

Предчувствуя наступление чего-то большого и ответственного, я, помню, заторопился (я был в то время секретарем Крымского союза) скорее завязать сношения с с.-д. организациями тех городов, где эскадра предполагала остановиться.

Однако, вышло совсем по иному. Восстание вспыхнуло не в конце кампании, а в начале ее, и не на «Екатерине», как предполагалось, а на «Потемкине», и не с формального «разрешения» матросского «руководящего центра» и Севастопольского комитета, а без них и помимо них.

* * *

Почти вся эскадра оставалась еще в Севастополе, когда 12 июня после обеда «Потемкин» вышел из порта и на следующий день бросил якорь у острова Тендра. К «Потемкину» был прикомандирован миноносец № 267, который, спустя несколько часов по прибытии на Тендру, отплыл в Одессу за провизией.

Ввиду забастовки в Одессе, достать свежую провизию было почти невозможно. Мясо, привезенное для команды, в виду летнего времени, было не совсем свежее и, пролежав в летнюю жару в мешках несколько часов, оно совсем испортилось.

Наиболее сознательные матросы «Потемкина» собирались то и дело в машинном отделении и обсуждали вооруженное восстание, не подозревая, что призрак лелеемого ими восстания уже без того бродит на броненосце.

Утром 14 июня вышедшие на палубу матросы заметили, что подвешенное на борту мясо сильно воняет и кишит червями. Собравшись в кучу, они вступили в стычку из-за мяса сперва с подвернувшимся кондуктором, потом с командиром судна

Голиковым и, наконец, с доктором Смирновым, который с апломбом и высокомерием заявил, что мясо само по себе хорошее, нужно только помыть его соленой водой и выбросить некоторые червивые куски.

Решено было борща не есть: все демонстративно брали только хлеб и чай.

Это заметил старший офицер Гиляровский и доложил командиру броненосца Голикову.

Человек жестокий и самодур, постоянно требовавший себе слепого повиновения, капитан Голиков усмотрел в отказе матросов от червивого мяса—строптивость и нарушение дисциплины. Чтобы напугать команду, он произнес пред ней короткую речь, пригрозив повесить смутьянов на нок-мачте... Для вящшего впечатления Голиков вызвал на палубу вооруженный караул, собираясь, быть может, произвести некоторые аресты.

Словно толкаемые злым роком, капитан Голиков, старший офицер Гиляровский, вахтенный офицер Левенцов и другие целым рядом бестактных и наглых выходок вооружают против себя матросскую массу.

Тов. Х. Раковский, который впоследствии завязал очень тесные сношения со многими «потемкинцами» и имел возможность точнее всех выяснить и проверить ряд подробностей, следующим образом ярко и художественно описывает ход событий *):

«Получив от Гиляровского донесение о недовольстве матросов борщом, капитан Голиков приказал горнистам и барабанщикам играть сбор, собрал команду на шканцы и заявил, что доктор Смирнов нашел борщ хорошим. На всякий случай

---

*) См. книгу: Кирилл. «Одиннадцать дней на «Потемкине». СПБ, 1907 г.

он, Голиков, запечатает пробу борща, пошлет ее в Севастополь на исследование, но с бунтовщиками он расправится.

— Кто согласен есть этот борщ—пусть станет сюда,—закончил он.

Подавляющее большинство матросов молча оставалось на местах, но когда капитан стал грозить виселицей, и когда послано было за караулом, среди команды произошло смятение.

— Бесполезно упорствовать,—заметили некоторые.

— Выйдем из рядов и станем, куда нужно, — сказал матрос Матюшенко, и один из первых сделал несколько шагов к башне, окружавшей 12-дюймовое орудие.

Стоявшие слева последовали его примеру. Но справа оставалось еще человек 20—30, просто не успевших присоединиться к тем матросам, которые, как видно, вовсе и не собирались сейчас по серьезному «бунтовать».

Но в этот момент произошло событие, с которого собственно и начинается настоящее восстание.

Видя, что все переходят и что виновных не будет, Гиляровский вместе с вахтенным офицером Левенцовым заградил путь оставшимся, думая непреклонной строгостью искоренить дух непокорности и мятежа, который им всюду чудился. Случайный инцидент с мясом являлся желанным поводом; с сожалением охотника, у которого из-под рук ускользает добыча, они смотрели, как о внезапную покорность матросов разбивается их план. Желая все же дать поучительный пример, они решили случайно оставшихся матросов сделать жертвой своего коварства.

Караул, состоявший из 27 матросов, уже был на юте.

— Окружите их,—приказал Гиляровский, указывая на кучку матросов. Понимая низкую роль, которую ему навязывали, караул подвигался нехотя.

— Я повторяю,—«окружите их».

Приказания возбужденного старшего офицера звучали тревожно, зловеще, точно порывы бури, несущие дурные предзнаменования.

— Прапорщик Левенцов, спросите их имена. Боцман, велите принести брезент,—продолжал распоряжаться Гиляровский.

Еще мгновение, и белый саван, которым на военных судах покрывают приговоренных к смерти, закроет от матросов весь окружающий мир.

Решил ли Гиляровский итти до конца? Думал ли он сыграть комедию, чтобы напугать матросов и заставить их выдать «зачинщиков»? Этот секрет он унес с собой в морскую пучину. Матросы не имели времени исследовать, что было на душе у этого безумца. Вдали от всякого человеческого общества, одинокие среди водной пустыни, они могли ожидать всего от начальства, которому варварские законы давали полную власть распоряжаться жизнью подчиненных. И смерть, ужасная, близкая смерть, встала перед их испуганным взором.

Еще минута и поднимутся ружья, раздастся сухой треск; они будут расстреляны и выброшены за борт, в море. На судне, как и в воздухе, царила гробовая тишина; это продолжалось секунду.

— Братцы, отчего вы нас покидаете! — крик отчаяния, вырвавшийся у матроса Вакулинчука, вывел из оцепенения остальных матросов, собравшихся по требованию Голикова вокруг башни.

— Их хотят расстрелять. Не допустим этого!

Бунт начинался. Гиляровский приказал стрелять. Мятежным духом был охвачен и караул. Со всех сторон раздавались крики:

— Не стреляйте, братцы, в своих...

Громче всех кричал матрос Григорий Вакулинчук, бывший на плохом счету у начальства. За несколько дней до снятия с якоря судна, между ним и Гиляровским произошел горячий спор, в пылу которого он угрожающе произнес:

— О, это скоро окончится.

Вакулинчук, конечно, имел в виду восстание. Гнев Гиляровского достиг высшей степени, когда он увидел перед собой Вакулинчука.

— Ага, ты тоже не хочешь борща?!

— Разве можно есть такую гадость?

Они пронизывали друг друга взглядом, измеряя всю глубину взаимной ненависти.

— Стреляйте,—скомандовал еще раз Гиляровский.

Караул стоял, не поднимая ружей.

Обезумевший от ярости, бросается на ближайшего матроса из караула и отнимает у него ружье.

Последний, на минуту оробев перед стремительным и неожиданным набегом старшего офицера, уступил, но скоро оправившись, берет снова назад свое ружье. Гиляровский делает вид, что вынимает револьвер из кармана, затем снова бросается к караулу, и опять безуспешно; только в третий раз, Гиляровскому удается вырвать ружье из рук молодого новобранца.

Это продолжалось несколько минут. Вакулинчук со словами на украинском языке: «До каких же пор мы будем рабами?» хватает ружье одного из караульных и исчезает позади орудийной башни. Гиляровский бежит за ним, но прежде, чем он его догнал, до ушей офицеров и матросов

долетает ужасный шум, крик человеческих голосов, стук прикладов о пол.

— Кто мутит там матросов?—кричит командир Голиков.

— Я знаю, это—каналья Матюшенко,—отвечает Гиляровский и исчезает за башней, преследуя Вакулинчука.

Бунт в полном разгаре. Он начинается одновременно—на юте, где Вакулинчук первый берет в руки оружие, и в центральной батарее.

В начале бунта несколько человек, с Матюшенко во главе, вошли в центральную батарею, где находились пирамиды с ружьями,—с призывом: «К оружию! Довольно терпения! Долой тиранов! Да здравствует свобода!» Часть матросов разобрала ружья, другая пошла ломать двери в патронные погреба.

Матюшенко, с ружьем в руках, выходит на ют.

Вдруг, поднимаясь по адмиральской лестнице, он сталкивается с судовым священником Парменом, он держит в руках серебряный крест и, поднимая его к небу, говорит:

— Мир с тобою, сын мой...

— Убирайся, халдей, убирайся, пьяница,—кричит Матюшенко и слегка дотрогивается прикладом ружья до церковнослужителя. Поп бросает крест и, торопясь убежать, падает на пол.

Получив патроны, Матюшенко заряжает ружье и первым выстрелом убивает старшего артиллерийского офицера Неупокоева возле адмиральского люка. Его тотчас же выбросили в море.

Неупокоев был первым из убитых офицеров, но он был не первой жертвой этой печальной драмы. В нескольких шагах отсюда лежал смертельно раненный Григорий Вакулинчук.

Старший офицер Гиляровский догнал Вакулинчука позади башни, в левой части судна. Прежде,

чем Вакулинчук успел защититься, пуля попала ему прямо в грудь Раненый, истекая кровью, он бросается на Гиляровского, вырывает у него ружье, но силы оставляют его и, шатаясь, он падает.

Матюшенко встречает Гиляровского в момент, когда, выстрелив в Вакулинчука, он снова возвращается на ют. Не теряя времени, Матюшенко прицеливается в него, но не попадает. Так же безуспешно Гиляровский стреляет в Матюшенко. Видя свою неудачу, он обращается к караулу у лестницы:

— Застрели мне эту каналью!..

Испуганный матрос бросает ружье и убегает. Гиляровский поднимает заряженное ружье, и, забывая на минуту своего главного врага, в растерянности стреляет в караул. Прежде, чем раздался выстрел, Матюшенко пускает пулю в его спину, и, смертельно раненный Гиляровский, шатаясь, падает на пол с угрозами Матюшенко:

— Ага, я тебя знаю, каналья. Ты убежишь теперь на сушу, но я сумею тебя найти.

Матюшенко в ответ:

— Ты не успеешь, болван. Я отправлю тебя юнгой к Макарову *).

Гиляровского выбросили за борт.

Офицеры, кондуктора, унтер-офицеры, часть матросов и караульные бросились, не взирая на опасность, по адмиральской лестнице, через пушечные амбразуры, чтобы спастись в нижней части броненосца. Другие, схватив спасательные круги, в панике бросились в море. Наконец, самые смелые из матросов, взяли из козел оружие и присоединились к восставшим. Секунду спустя ящики

---

*) Известный адмирал Макаров, в русско-японскую войну погиб на броненосце «Петропавловск» у Порт-Артура.

с патронами были на юте. С неистовством матросы бросились к ним и ножами, штыками, и просто руками отрывали жестяные крышки. Через несколько минут бунт охватил все части судна; страшный, неудержимый ураган, грозящий все поломать и все унести на своем пути. Революционные возгласы сливались с криками мести.

— Офицеры, где офицеры? Подайте нам офицеров?—кричали со всех сторон, и матросы, небольшими группами, ходили разыскивать начальство.

— Не нужно мстить в одиночку—кричали более сознательные—нужно вывести офицеров на ют и судить их в присутствии всего экипажа...

Среди этого шума появляется поручик Тон.

— В воду его, в воду—кричат матросы. Но офицер делает знак, и бушующая толпа внезапно утихает.

— Долой погоны!—крикнул ему тут Матюшенко.

— Не ты мне их надевал, а потому и не ты можешь снять их,—ответил лейтенант Тон,—стреляя в Матюшенко. Пуля пролетела мимо и ранила руку другого матроса. Матрос, механик Шестидесятый, выхватил у Тона револьвер, но выстрел из ружья Матюшенко сделал предосторожность излишней. Тон был убит и выброшен за борт, как и Гиляровский и Неупокоев.

— Где командир? Нам нужно Голикова!—послышались новые крики.

Вооруженные матросы рассеялись кучками, ища офицеров и, в частности, Голикова. Несколько минут спустя—звон разбитых стекол, грохот взломанных дверей, крики:

— Долой драконов! Да здравствует свобода!—раздавалось из коридора, где в два ряда были расположены офицерские каюты.

Офицеров в них уже не было; им удалось спрятаться в других местах. Только старший врач Смирнов еще оставался в каюте, где и был убит выстрелом в окно.

В это время группа матросов вела переговоры у дверей адмиральской каюты, куда скрылись Голиков и прапорщик Алексеев. Несмотря на настойчивое требование матросов, они не хотели впустить их, и только, когда начали ломать двери, Голиков сдался, видя бесполезность сопротивления. Обоих офицеров нашли совершенно раздетыми, готовыми броситься в море. Кортеж победоносных матросов, ведя пленных офицеров, направился по адмиральской лестнице, на ют.

Командир Голиков предчувствовал свою судьбу; он читал ее в словах и на лицах матросов, пришедших за ним. Странно было видеть «этого подлого, свирепого человека—пишет Матюшенко—в смешном и униженном виде. Входя по трапу, Голиков бормотал вслух:

— Ах, я, старый дурак, что я с командой сделал!

Выйдя на верхнюю палубу, Голиков обхватил матроса (Матюшенко) и сказал:

— Великий я грешник перед командой. Прости, братец.

— Я лично против тебя ничего не имею,—как команда?—Но 800 человек команды слишком живо помнили все обиды и унижения, которые долго и постоянно терпели от этого человека.

— На нок его. Он нас ноком стращал,—закричали голоса.

— Долго ждать. Пулю в лоб...—перебивают другие. Голикова отвели подальше на ют. Раздался залп, и командира не стало; труп его тоже выбросили за борт.

Участники восстания на броненосце «Князь Потемкин Таврический» в Румынии.

Оставалось еще в живых 14—15 офицеров и все их помощники, так называемые, кондуктора. Некоторые из офицеров бросились в воду и доплыли до сопровождавшего «Потемкина» миноносца; другие спрятались в разных укромных местечках на самом броненосце; третьи пробовали спастись на щитах, расставленных на воду в качестве прицелов для стрельбы.

— За борт их всех,—раздалось снова среди команды. Но пыл восставших уже успел остыть. Наступила психологическая реакция: трупов пяти офицеров и одного доктора казалось достаточно.

— Довольно крови,—вмешались другие.—Довольно крови! Корабль в наших руках, и эти твари нам не опасны...

Инженер-механик Александр Коваленко, честный и демократически настроенный человек, хотя и слабохарактерный и чуждый боевой психологии революционера, заявил о своем присоединении к восставшим. Приблизительно об этом же пролепетал и доктор Голенко, а также и прапорщик Алексеев. О своем внезапном народолюбии заговорили и «шкуры», как называют матросы кондукторов. Их всех оставили неприкосновенными на броненосце. Остальных офицеров арестовали, а потом свезли на берег.

Открыли митинг. После множества речей перешли к делу.

«Потемкин» снялся с якоря и направился к Одессе, где, как уже известно было команде, происходили грандиозные забастовки и стычки рабочих с полицией.

В пути команда выбрала центральный комитет броненосца, так называемую «Комиссию». В состав ее вошли: 1) Матюшенко, 2) Кулик, 3) Резниченко, 4) Шестидесятый, 5) Родин, 6) Заулошнов, 7) Никишкин, 8) Сапрыкин, 9) Бредихин,

10) Дымченко, 11) Дениченко, 12) Скребнев, 13) Циркунов, 14) Костенко, 15) Савотченко и еще человек 10.

Под управлением этой комиссии—уверял потом в своих воспоминаниях Матюшенко,—порядок на броненосце был образцовый, и дела шли хорошо. Все главные решения принимались с согласия команды. Выйдет, например, комиссия на палубу и обратится ко всем матросам:

— Ребята, мы решили послать в город паровой катер, согласны?

— Согласны,—отвечает команда,—и сейчас же все делается.

В прежнее время, при Голикове, все делалось неохотно; при новых же порядках всегда бывало больше желающих, чем надо.

Командиром броненосца назначили сильно противившегося этому назначению прапорщика Алексеева, а его помощником, в роли старшего офицера, боцмана Мурзака.

Ночью 14 июня «Потемкин» прибыл в Одессу, бросив якорь на внешнем рейде.

Одесса в это время переживала лихорадочную горячку частичных и всеобщих забастовок, непрерывных стычек с полицией и казаками, арестов, расстрелов, баррикадных боев, нападений на конвой и отбиваний арестованных, ночных и дневных залпов, взрывов бомб и открытых выступлений дотоле совершенно конспиративных социалистических партий и анархистских групп.

Затяжная безработица, особенно ярко проявившаяся после 9 января 1905 г., всеобщее недовольство населения Одессы и окрестных крестьянских масс—все это делало атмосферу динамитной, взрывчатой.

Для дальнейшего успеха необходимо было содействие казармы, не говоря уже о кре-

стьянстве. Выплыл также вопрос о вооружении рабочих, об обороне от казаков и полиции, о нападении на них, если этого потребуют обстоятельства.

Боевой под'ем одесских рабочих стал сменяться уже унынием,—как вдруг, совершенно неожиданно радостно ошеломляет факт восстания матросов на сильнейшем броненосце Черноморского флота.

Весть о том, что «тысяча» матросов перестреляла у себя «всех» офицеров, сама управляет кораблем, об'явила войну самодержавию, прибыла в Одессу, чтобы помочь революционерам,—мигом облетела город, вызвав невероятное возбуждение. И стар, и млад тысячными толпами повалил в порт.

В порту, в конце мола была устроена палатка, в ней лежал труп Вакулинчука. К груди его была приколота записка:

«Господа одесситы! Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчука, убитого старшим офицером за то, что он отказался есть гнилой борщ.

Осеним себя крестным знаменем и скажем: «Мир праху его!»

Отомстим кровожадным вампирам. Смерть угнетателям. Да здравствует свобода!»

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический».

Место это скоро становится сборным пунктом, на котором с утра до вечера перебывало десятки тысяч народу. Здесь полились негодующие речи большевиков, бундовцев, меньшевиков, анархистов, соц.-рев.

По призыву тов. Кирилла, огромная толпа принялась снимать с работ рабочих мастерских, заводов и коммерческих судов. Кирилл поехал на «По-

темкин», чтобы сговориться насчет дальнейших действий, совместно с матросами. Туда же перебралось еще несколько соц.-демократов, среди них был и Константин Фельдман.

* * *

Между тем, очутившись без привычного начальства, команда в первое время растерялась, не знала, что делать.

Однако, еще в первую ночь, в ночь на 15-е июня выяснилось с очевидностью, что «Потемкину» необходимо, прежде всего:

1) Раздобыть угля и пресной воды, 2) снестись с одесской соц.-дем. организацией, а через нее с севастопольским комитетом, который и должен будет немедленно двинуть остальную эскадру на помощь «Потемкину».

Начало связи с населением города Одессы было положено посредством двух воззваний, составленных матросами же.

Обращаясь к местному гарнизону, «потемкинцы» писали:

«Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу; пришел последний час нашего страдания. Долой самодержавие! У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. При сопротивлении город будет разрушен».

В другом воззвании к «почтеннейшей публике города Одессы», восставшие писали:

«Сегодня с корабля свезено мертвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному обряду...

Команда броненосца просит публику г. Одессы: 1) не делать препятствия в погребении матроса с корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюдение за правилами; 3) требовать от полиции, а также от казаков прекратить свои напрасные набеги; 4) не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца рабочей партией; 5) команда просит публику г. Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований.

«В случае, если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет произведена по городу орудийная стрельба из всех орудий, почему команда предупреждает публику и, в случае возникновения стрельбы, просит удалиться из города тех, которые не желают участвовать в противодействии. Кроме того, нами ожидается помощь из Севастополя для этой же цели—несколько броненосцев,—и тогда будет хуже».

Любопытно, что это последнее воззвание потемкинцы решили передать через «его превосходительство, французского консула». Наивной и неискушенной команде казалось, что консул французской республики наверное сочувствует и рад помочь русским республиканцам...

Команда возлагала огромные надежды на присоединение судов, оставшихся пока в Севастополе. Появления и присоединения эскадры ждали с трепетом. Все были охвачены одной мыслью—не оставлять ни на миг броненосца, пока не получится помощь от матросов из Севастополя.

В своих воспоминаниях К. Фельдман сообщает один очень характерный эпизод.

«Я стоял на шканцах и глядел на стаи лодок, покрывавших бухту,—рассказывает он.—Тут мой взор, случайно упав на одну из них, остановился

в удивлении: в ней сидели два солдата и усиленно гребли к броненосцу. Лишь только они приблизились, я бросился к ним.

— Зачем приехали сюда?—спросил я солдат.

— Мы депутаты от своих полков.

Я побежал к матросам сообщить новую весть.

Трап был убран уже, и солдатам спустили вязаную лестницу. Через минуту они стояли на шканцах, окруженные матросами.

— Братцы,—начал прерывающимся от волнения голосом один из них,—солдаты наших двух полков, Измайловского и Дунайского, послали нас заявить, что они с вами. Можете, братцы, хоть в город итти: никто вас не тронет. Как сойдете на берег, так сейчас и мы к вам перейдем.

— Ну, и хорошо,—сказал один из матросов,—а то друг на друга шли,—давно бы пора. Только вот что, мы сейчас на берег не пойдем, потому что всю эскадру ждем, а вы пока готовьтесь. Да смотрите, народ не обижайте.

Матросы сочувственно поддержали это заявление, и солдаты отплыли от броненосца и скоро исчезли за волнорезом.

Важно здесь не появление солдат, а та выжидательность и пассивность матросов, которая губительно действовала на ход восстания *).

Когда через пару дней «вольные» Кирилл, Фельдман, большевик т. Борис убедили некоторых матросов из числа руководителей броненосца дей-

*) Ссылаясь на этот эпизод, а также на сообщение какого то случайного солдата о солидарности морского батальона с потемкинцами, Фельдман делает вывод, что таким образом громадная часть одесских войск явно выразила свое сочувствие восстанию. Это, конечно, громадное преувеличение. В этот именно период пехота в целом находилась еще в цепких руках монархического офицерства.

ствовать, то было уже поздно, события завертелись по иному и пошли в другую сторону.

Упомянутые товарищи из РСДРП предлагали немедленно высадить на берег десант, или же вооружить ожидавших этого на берегу рабочих, повести с ними наступление на город, поручив броненосцу поддерживать наступающих орудийным огнем с моря. Артиллерии в городе в это время не было.

Власти находились в состоянии страха и паники. У революционеров среди солдат были кое-какие связи,—много было шансов за то, что движение перекинется в другие города, а то и деревни. Дальнейшее поведение эскадры, если бы она пришла из Севастополя в Одессу, только облегчилось бы таким предварительным достижением.

Колебание большинства волновало всю команду.

Вскоре показалось судно, которое было встречено с криком:

— Эскадра!.. Эскадра!..

Оказалось, что это просто небольшой и невооруженный транспорт «Веха», шедший из Николаева. Решено было захватить это военное судно: вместе с неотходившим от «Потемкина» миноносцем № 267 «Веха» могла бы пригодиться.

Потребовали на борт офицеров. Сообразив в чем дело, те сразу и безропотно отдали свои погоны. Когда их привели в адмиральскую, Матюшенко, а затем и Кирилл и Фельдман обратились к ним с обличительными речами, описали имевшие место на «Потемкине» события, приглашали «бросить старые предрассудки», не гнаться больше «за чинами и карьерой».

* * *

После того, как присоединили и «Веху» к «Потемкину», был произведен наряд всех вахтенных и часовых.

«Время было уже к вечеру,—рассказывает Кирилл,—на броненосце барабан пробил «зорю»... Горнист заиграл «на молитву». Все обнажили головы и один из матросов громко прочел «Отче наш».

Затем сигнал «на молитву» был дан и в нижней батарейной палубе, куда собралась вся команда перед судовой иконой. Прочли молитву и здесь, но расходиться не стали, так как пожелали послушать ораторов.

Из «вольных» говорили «товарищ Александр», затем К. Фельдман и Кирилл.

После вольных выступили с исповедями А. Коваленко, доктор Голенко, которого Фельдман изображает каким-то необычайно хитрым и демоническим провокатором и, наконец, тщедушный мичман Калюжный...

Но в то время, как матросы горячо молились «господу богу», а в лучшем случае, слушали горячие речи ораторов, в порту полиция и казаки делали свое страшное дело.

Было так: городские рабочие успели уже разойтись из порта после того, как приехавший с броненосца с.-д. оратор заявил, что матросы на берег не сойдут. В порту остались, главным образом, босяки, городская голытьба и падкая на «чужое» добро публика.

С легкой руки полиции и провокаторов публика эта приступила к разгрому товарных складов. Наткнувшись на ящики с дорогими винами, босяки, словно сумасшедшие, стали тут же выпивать бутылку за бутылкой и, как сумасшедшие же, стали бросаться в где-то вспыхнувший огонь, кото-

рый сразу охватил значительную территорию порта, пакгаузы разных пароходств и т. д.

По авторитетному свидетельству начальника одесского жандармского управления, в толпе все время шныряли переодетые в штатское платье жандармские офицеры и унтер-офицеры, не говоря уже о действительно штатских шпиках и провокаторах, они-то и подстрекали босяков к поджогам, имея в виду дезорганизацию революционного движения. Обстоятельство это, однако, не мешает тому же жандармскому полковнику Кузубову с поразительной наглостью уверять, что «подстрекателями» к поджогу имущества и строений были исключительно евреи» *).

Рабочие и просто обыватели, пришедшие посмотреть на «Потемкина» и послушать на берегу ораторов, стали пробираться наверх, в город. Но впереди их останавливали патрули, а сзади пускали им в спину залп за залпом стоявшие в порту казаки и солдаты....

Это было ужасное зрелище. Команда «Потемкина» выбежала на палубу. Колоссальные языки пламени, треск ружейных выстрелов, стоны расстреливаемых и сгорающих людей — вызвали среди матросов крики негодования и возмущения.

Комиссия решила помочь рабочим пробраться наверх, в город. Необходимо было немедленно же осветить прожекторами места скопления казаков и открыть местопребывание генералов и верных им войск и начать по ним бомбардировку.

Но куда, в кого стрелять в эти минуты ночного хаоса и ужаса?

Правда, комиссия отдала Алексееву соответствующее приказание, но легко отделавшись на-

*) Сб. В. Невского, стр. 356.

скоро выдуманными предлогами, Алексеев не выполнил приказания...

Все же на следующий день комиссия, воспламененная речами Кирилла и Фельдмана, решила серьезнее приняться за дело, не останавливаясь перед открытием боевых действий.

Отправившийся в город хлопотать о похоронах Вакулинчука Матюшенко вернулся с ответом от перетрусивших властей: Вакулинчука разрешено хоронить в сопровождении почетного караула из матросов. Действительно, труп Вакулинчука был похоронен очень торжественно, хотя и не обошлось без стрельбы (правда,—холостыми залпами).

Многочисленная толпа рабочих и граждан, с большим волнением сопровождала катафалк через весь город до самого кладбища.

Когда депутация матросов, сопровождавших похоронное шествие, возвращалась обратно, какая-то рота солдат без всякого предупреждения дала по ним залп. Но, должно быть, солдаты нарочно плохо стреляли, потому что из матросов никто ранен не был. Стрельба эта, наряду с разрешением властей устроить похороны Вакулинчука, говорит о той несогласованности, какая существовала в то время среди высшего военного начальства.

В то время, когда похоронная депутация подвергалась обстрелу, с моря, с «Потемкина» прогудел пушечный выстрел.

Гибельность «выжидательной» тактики сказывалась не только в том, что городские рабочие теряли терпение и падали духом, но и в том, что военное начальство Одессы экстренно вызвало в город свежие войска и принялось уже за установку на берегу артиллерии.

В это время не то от одной шлюпки рабочих (Кирилл), не то от солдат (Фельдман) сделалось

известным, что военный совет заседает в городском театре. По настоянию Кирилла, Фельдмана и третьего «вольного», тов. Александра, была снова созвана комиссия. Решено было дать сперва 5 залпов (3 холостых для предупреждения населения и 2—боевых в Городской театр), а затем послать в город депутацию и пред'явить главнокомандующему ряд требований. В случае их неудовлетворения приступить к бомбардировке самого города.

Комиссия созвала общее собрание. Фельдман выступил с горячей речью и без предварительной подготовки аудитории сразу же и сообщил ей план комиссии. Сочувственно слушавшая его вначале команда под конец заволновалась, среди нее послышались крики:

— Нельзя стрелять в город... Долой вольных!.. И если бы не вмешательство Матюшенко, «своего» человека, которого команда знала и которому верила,—дело могло бы кончиться плохо, вплоть до изгнания с броненосца Кирилла, Фельдмана и Александра.

Матюшенко удалось своей вдохновенной речью вызвать сочувствие команды. Решено было приступить к действиям. Машинисты, артиллеристы, комендоры и даже санитары принялись каждый за свое дело.

Старшим сигнальщиком был некий Федор Ведермейер, человек политически неблагонадежный, и снаряды попали не по адресу: второй боевой снаряд, например, дал колоссальный перелет, попав на другой конец города, возле сахарного завода Бродского, что на Бугаевке.

Как оказалось впоследствии, этот самый Федор Ведермейер отстал в Румынии от потемкинской команды и, едва выйдя на берег, явился к царским агентам в Констанце, передал им морской шифр

и сигнальные книги. Ведермейер был одним из многих, одним из тех скрытых врагов восстания, которым комиссия по незнанию доверяла.

Отсутствие эффекта от столь неудачной бомбардировки смутило команду. Началась дезорганизация. Многие артиллеристы оставили орудия:

— А что, если мы попадем не в генералов, а в дома бедняков и рабочих?

— Как же мы стреляем в город, когда оттуда еще не вернулись наши депутаты (отправившиеся хоронить Вакулинчука)?

— Надо сперва с городской организацией связаться, а потом уже продолжать дальше бомбардировку.

— А пред'явлены ли главнокомандующему наши требования?—спросил один,—ведь принять-то мы их приняли, но никому еще не пред'явили...

Последнее замечание всем понравилось. Выход из создавшегося тяжелого положения был найден посылкой депутации из трех лиц к командующему войсками Одесского округа. В случае отказа удовлетворить требования «Потемкина» город подвергается обстрелу из всех орудий...

Фельдман и еще двое матросов причалили к берегу и обратились за содействием к священнику портовой церкви. Без всяких возражений он согласился пойти к военным властям просить гарантию неприкосновенности потемкинской депутации.

Дежурный генерал выслушал требования и угрозы депутации, ушел к главнокомандующему и через 15 минут вернулся с ответом:

— Ни в какие переговоры с царскими бунтовщиками командующий вступать не желает. А если хотите еще бросить несколько снарядов в дома мирных жителей, то бог и царь будут вам судьями. Теперь же можете итти—никто вас не тронет.

Требования, пред'явленные «потемкинцами» гласили: 1) беспрепятственная закупка всего необходимого для броненосца; 2) полная неприкосновенность матросов на берегу; 3) прекращение зверств в городе со стороны казаков и полиции; 4) вывод всех войск из города и передача его во власть населения, а, как гарантия этого,—вооружение народа из городских арсеналов.

Фельдман в своих записках упоминает еще требование немедленного освобождения всех политических.

Ответ командующего войсками вызвал негодование со стороны матросов на «Потемкине». Но после долгих дебатов вопрос о новой стрельбе по городу остался все-таки открытым.

Поздно ночью команда углеглась спать, не предчувствуя того, какими богатыми событиями чревато будет следующее утро.

* * *

Как известно, восстание было поднято первым на броненосце «Екатерина II». Еще до выхода в плавание, команда «Екатерины» устроила на корабле скандал: отказалась петь вечером молитву «Спаси господи», а когда к команде вышел командир, она пред'явила ему ряд экономических требований. Обстоятельства этого достаточно было, чтобы вся команда с «Екатерины» оставлена была на берегу в Севастополе и избавлена от дальнейшего соприкосновения с повстанцами...

Правительство решило, наконец, расправиться и с мятежным «Потемкиным».

Под командой адмиралов Вишневецкого и Кригера было направлено к Одессе 5 броненосцев после чистки команд на них (сперва 3, а потом еще 2): «Три Святителя», «Ростислав», «Синоп»,

«Георгий Победоносец» и «Двенадцать Апостолов»), один крейсер «Казарский» и 6 миноносцев.

Два раза наступала эскадра и оба раза останавливалась в нерешительности. Страх сковал обычную решимость офицеров, которые не могли не видеть и не понимать, что среди команды их кораблей не все обстоит благополучно, что неведомые дотоле Матюшенки, Резниченки и Кулики, быть может, находятся тут же рядом.

Они вполне основательно могли опасаться, что нападение на «Потемкина» грозит им самим участью потемкинских офицеров. Отсюда неуверенность и истеричность в действиях капитанов и адмиралов, обычно столь тупо прямолинейных и задорно решительных.

Так и получилось. Едва столкнувшись с «Потемкиным», правительственные корабли построились не в боевой, а (как острит К. Фельдман) в беговой порядок...

Когда эскадра убегала в первый раз, «Потемкин» решил не преследовать ее: можно было опасаться мин, разбросанных эскадрой. Было еще и другое опасение: несколько броненосцев и миноносок, симулируя побег, могли завлечь «Потемкина» в море, где ждала остальная часть эскадры. Но строившие такие предположения, были слишком высокого мнения о героизме царских офицеров: опасения были напрасны.

На рассвете беспроволочный телеграф «Потемкина» перехватил разговор правительственных броненосцев. Комиссия «Потемкина» немедленно взялась за дело: приказала развести пары и поднять якорь, привести в порядок лазарет на «Вехе», составить подробный список угля, припасов и снарядов, имеющихся на броненосце, и, наконец, захватить поблизости частный коммерческий пароход и отправиться на разведки.

«Потемкин» полным ходом пошел навстречу эскадре. Едва контр-адмирал Вишневецкий успел протелеграфировать с «Трех Святителей» свою скорбь по поводу «безумного» поступка «золотых» черноморцев, едва он успел получить с «Потемкина» ответ, как эскадра вдруг круто повернула и исчезла.

Однако, через несколько часов эскадра, усилившись двумя броненосцами и минным крейсером, снова стала приближаться к «Потемкину».

Матрос Лыдзер, член нашей организации, бежавший потом с «Ростислава», много рассказывал о столкновении целой эскадры с одним броненосцем:

«В начале первого часа мы простым глазом видели все предметы на «Потемкине»,—рассказывает матрос с флагманского судна «Ростислав».—На «Ростиславе» пробили боевую тревогу. Стали убирать все лишнее с верхней палубы. Подали снаряды к пушкам. Все это делалось командой нехотя, медленно. Сознательные матросы вели просто открытую агитацию. Произносилось несколько речей почти на глазах у офицеров и шпионов, которых было в изобилии во флоте.

Большинство команды всей душой сочувствовало потемкинским товарищам. На флагманском судне «Ростислав» подняли сигнал:

— «Потемкину» стать на якорь.

С «Потемкина» ответили:

— «Ростиславу» и «Трем Святителям» застопорить машины» (эти два броненосца больше других ушли вперед).

С «Ростислава» опять подняли сигнал:

— «Потемкину» стать на якорь».

Оттуда ответили:

— «Ростиславу» и «Трем Святителям» застопорить машины, иначе стрелять буду».

«Ростислав» и «Три Святителя» застопорили машины, а за ними застопорила машины и вся эскадра.

«Потемкин» мощный, грозный и сильный, полным ходом идет против эскадры в пять броненосцев. Это было величественное зрелище, достойное кисти художника. Пушки «Потемкина» направлены на нас. Вот на нем взвился сигнал:

— «Команда «Потемкина» требует к себе старшего флагмана».

«Потемкин» уже близок, вот он идет между «Ростиславом» и «Тремя Святителями». Ужас, восторг смешались вместе и, схватившись за стойку, я оцепенел от этих ощущений. На «Ростиславе» все затихло, притаилось и томительно ждет чего-то страшного, таинственного.

А «Потемкин» гордо, смело, величественно идет между нами, не спуская пушек с намеченной цели. Вот, он стал направлять свою большую 12-дюймовую пушку на мостик, где куча офицеров, онемев от ужаса, стоит, не шелохнувшись; увидав же, что в них целят, они, как стадо, шарахнулись, кто куда попало, а один из них, мичман Высокосов, схватившись за ногу, с криком: «ой, ой, нога, нога»—убежал.

А на «Потемкине» ни души не видать, как будто это волшебное заколдованное судно, как будто это призрак. Одни лишь пушки ворочаются, не спуская намеченной цели, и пусть бы кто выстрелил по нем из револьвера, вмиг бы посыпалось в него 70 снарядов и шесть мин, и вмиг бы тот корабль пошел ко дну. Да, это было что-то фантастическое, невероятное. Казалось, что это сон, а не действительность.

Вот «Потемкин» проходит мимо нас; на верхнюю палубу его вышел матрос, взял шланг, полил палубу, снял фуражку, помотал ею нам и скрылся.

И опять на «Потемкине» ни души. Обогнув корму «Трех Святителей», «Потемкин» пошел между броненосцем «Георгий Победоносец» и «Синоп»; там его встретили с криком «ура». Обойдя их, он направился к Одессе. Эскадра наша хотела итти за ним, но вдруг стали замечать, что с «Георгием Победоносцем» творится что-то неладное; он вышел из строя и малым задним ходом идет к «Потемкину».

С «Ростислава» подняли сигнал:

— «Почему «Георгий» не по-боевому?»

Оттуда отвечают:

— «Команда «Георгия» желает свезти офицеров на берег и присоединиться к «Потемкину».

С «Ростислава» опять сигнал:

—«Употребите все силы и следуйте за эскадрой».

Оттуда отвечают:

— «Не могу, не могу, не могу»...

Вот и на «Синопе» какое-то колебание: он то выйдет из строя, то опять с ним. Видя это, старший флагман отдает приказание полным ходом итти в Севастополь. После же мне удалось узнать, что на «Синопе» образовались две партии—за и против присоединения к «Потемкину». И потому «Синоп» пришел вместе с остальной эскадрой в Севастополь. «Георгий» же остался на месте с «Потемкиным». (Кирилл, стр. 170).

После того, как «Георгий Победоносец» (в благонадежности команды которого командир накануне был так уверен) перешел на сторону «Потемкина», вице-адмирал Кригер созвал военный совет, на котором решено было послать на миноносце офицера переговорить с мятежными командами.

Кригер телеграфирует вечером 18 июня морскому министру: «По сигналу с миноносца: допу-

стят ли они эту депутацию для переговоров, с «Потемкина» ответили сигналом: «никогда». Имея только на три дня свежую провизию,—а также заявления командиров о неуверенности в командах, (военным советом) решено итти в Севастополь. Я решил экстренно организовать отряд минных судов для ведения правильных минных атак, так как усмотрено, что на броненосце «Князь Потемкин Таврический» имеется полная организация по охране судна, а «Веха»—госпитальное судно. Пойду к Одессе немедленно по изготовлении судов... Вице-адмирал Кригер».

Когда от удалившейся эскадры стал вдруг отставать один из броненосцев, на «Потемкине» подумали сперва, что это какой-нибудь хитрый маневр. Но вот броненосец вышел совсем из строя, повернулся и пошел прямо к «Потемкину». Сигнальщик в подзорную трубу разобрал надпись: «Георгий Победоносец». Не желая его близко допускать,, дали ему сигнал:

— «Застопорить машину и стать на якорь».

Он остановился и стал нам семафорить:

— «Команда «Георгия Победоносца» просит к себе на судно приехать товарищей с «Потемкина».

Не зная еще истинных намерений «Победоносца», мы ответили ему тоже по семафору:

— «Арестуйте офицеров и пошлите депутатов к нам».

Оттуда на это требование сигнальщик, путаясь и, очевидно, страшно волнуясь, передает опять:

— «У нас дело плохо. Не все согласны. Мы не можем справиться. Присылайте скорей помощь».

Матюшенко, Кулик, Дымченко, Кирилл, а потом Фельдман и много матросов, вооружившись вин-

товками и револьверами, прыгнули сейчас же в миноноску и отправились к «Георгию Победоносцу».

Команда на нем толпилась наверху и еще издали махала им сотнями шапок. Когда же делегация с «Потемкина» приблизилась к правому борту, то с корабля загремело «ура»: потемкинцы тоже выскочили все наверх и стали отвечать не менее дружно на это приветствие, махая в свою очередь с миноносца фуражками. Обогнув нос, они под'ехали к левому борту «Победоносца».

— В чем дело, братцы?—обратился к георгиевцам Дымченко.

— Мы хотим к вам присоединиться.—Мы хотим быть вместе с вами, но у нас не вся команда согласна. Идите к нам. Дайте нам скорей помощи,—кричали наперерыв сотни матросов, подбежав к борту.

Матюшенко взобрался на борт как кошка и, вскочив на какую-то возвышенность, стал горячо убеждать матросов «Победоносца» дружно стать за правое дело, начатое «Потемкиным».

Кирилл же и остальные отплыли к корме и поставили миноносец перпендикулярно к кораблю, угрожающе направив носовой аппарат, хотя он и не был открыт.

С броненосца из всех амбразур и нижних кубриков выглядывали головы матросов, пугливо посматривая. Очевидно, далеко не вся команда была наверху и пряталась в страхе в люках и на палубах судна.

Матюшенко, окруженный плотной толпой матросов, произносил речь на баке. Его сменил Кулик.

Часть матросов возбужденно слушала ораторов. Но другая часть команды, толпившаяся у входов в батарейную палубу, стояла молча и растерянно посматривала на все происходящее. Тупо и

пугливо выглядывали их глаза исподлобья, выражая не то нерешительность и колебание, не то скрытую враждебность к совершающемуся перевороту.

— Не желаем к «Потемкину». В Севастополь идем,—то и дело раздавалось из их среды.

Видя раскол в самой команде, необходимо было действовать стремительно и не давать ни одной минуты «оппозиции».

Да и сознательные матросы сами понимали решительность момента и торопили:

— Действуйте скорей. Действуйте, а то офицеры собьют команду,—говорили они.

Кирилл передал на миноносец записку, чтобы с «Потемкина» послали вооруженный караул. В это время Кулик при дружных и одушевленных возгласах уже окончил свою речь, и Кирилл вскочил на трибуну.

Неожиданно раздался выстрел, и труп вахтенного офицера Григоркова полетел на глазах у всей команды в море с самого верхнего мостика. Он покончил жизнь самоубийством, не желая быть арестованным.

Чтобы сгладить минутное замешательство среди матросов, Кирилл громко и повелительно отдал приказание.

— Караул в ружье!

Вмиг человек пятнадцать матросов бросились за ружьями и через секунду выстроились около борта.

— Караульный начальник вперед!—продолжал командовать Кирилл. Но никто из рядов не вышел и все только подталкивали друг друга, боясь, видимо, взять на себя роль караульного начальника.

— Караул направо. Шагом марш...—скомандовал находчивый и стремительный Кирилл дальше и, не теряя ни минуты, повел наверх караул сам.

На мостике они окружили офицеров и потребовали от них следовать в кают-компанию. Здесь их обыскали, сняли с них погоны и высадили на берег.

С удалением офицеров с судна «Георгий Победоносец» очутился в руках революционеров. Командиром судна был избрал боцман Козьменко, который, как потом оказалось, по своим политическим убеждениям и личным качествам ни в чем не уступал своему «потемкинскому» Алексееву.

— Однако,—сознается тут же Кирилл, мы допустили одну оплошность, которая впоследствии погубила все дело... Мы послушались уверений матросов, что кондуктора у них люди хорошие, и не свезли их на берег вместе с офицерами. Радость от первой победы была в тот момент так велика, что никому из нас мрачные подозрения не шли на ум, и это преждевременное благодушество позднее заставило нас горько каяться в своей ошибке.

— Поздно вечером, совершенно усталый от всех хлопот и новых впечатлений я отправился к себе на «Потемкин». Другие же товарищи, в том числе и Фельдман, остались на «Георгии Победоносце», чтобы присутствовать на первом заседании новой комиссии.

— Вернувшись на броненосец, я не узнал своей команды. Она переродилась под влиянием этой первой победы, и ликованию ее не было границ. Факт присоединения к нам еще одного броненосца поднял дух все хматросов и спаял их, как бы одной семьей. Прежний трус стал теперь первым храбрецом и крикливо заявлял, разгуливая по всему судну:

— Теперь-то уж мы не боимся никого!— Завтра же расшибем всю Одессу!

«Оппозиция» затихла и тоже поддалась вихрю торжествующего настроения всей команды.

Видя такое одушевление всей команды, на душе становилось легко, и боязнь неудачи сменилась полной уверенностью в скорую победу над вековым врагом, апостолом тьмы и насилия.

Теперь у нас была своего рода революционная эскадра—два броненосца с 6-ю двенадцатидюймовыми орудиями, миноносец и «Веха». При подобных обстоятельствах, революция на юге России и в дальнейшем во всей России казалась нам вполне реальной, и в тот момент мы жили этими мыслями.

Завтра мы идем на Одессу и забираем ее, устанавливаем свободное правление, присоединяем свободные войска, организуем народную армию, двигаемся на Киев, Харьков и другие города, присоединяем по селам крестьянские массы.

... А там... идем на Кавказ, по всему побережью Черного моря и везде об'являем независимость и свободу от старых царских цепей... Москва, С.-Петербург...

Эти мысли в тот захватывающий момент не только мелькали в наших возбужденных головах, но горячо высказывались и обсуждались некоторыми из товарищей. Далеко за полночь шли оживленные беседы среди нашей команды». (Кирилл, 183).

* * *

Но если и на «Потемкине», в смысле сознательности и организованности было не все благополучно, то еще хуже обстояло на «Георгии Победоносце».

Георгиевцы не успели накопить тот богатейший опыт, какой накопили потем-

кинцы за последние дни. Провокационную роль и здесь сыграли бывшие фельдфебеля, так называемые кондуктора, эта своеобразная эскадренная «мелкая буржуазия», ограниченная, мещанская и черносотенно настроенная. Кондукторам удалось уговорить большинство команды не следовать за «Потемкиным» и вернуться с покаянием в Севастополь. Особенно отличались в этом смысле боцман Козьменко, выбранный командой «Георгия» в командиры корабля, и доктор Голенко.

Говоря о матросах с «Георгия», Фельдман припоминает, что в просьбе их не убивать офицеров и в нежелании дать караул для ареста последних ясно проглядывало желание «георгиевцев» не брать на себя большой ответственности. Бунт на «Георгии» произошел благодаря энергичным действиям нескольких матросов, понявших нерешительное, но сочувственное восстанию настроение всей команды. Они застопорили машину, произошло замешательство. Эскадра, шедшая на всех парах, тем временем далеко ушла от «Георгия», и последний был уже ближе к «Потемкину».

С одной стороны, от «Георгия» удалилась сила эскадры, с другой стороны стоял «Потемкин», поднявший борьбу против ненавистного также и георгиевцам режима, «Потемкин», готовый оказать «Георгию» могущественную поддержку в случае присоединения, но и потопить его в случае бегства. И «георгиевцы» склонились перед этой силой.

Все это, конечно, ничуть не умаляет революционного значения «Георгиевского восстания», так как энергичные действия сознательных матросов могли иметь успех только в атмосфере общего сочувствия. Но, пристав к «Потемкину», георгиевская команда бессознательно хотела оставить себе возможность отступления, возлагая ответствен-

ность за бунт на потемкинцев.—И мы—говорит Фельдман—сделали большую ошибку, потворствуя этим желаниям команды «Георгия». (Сб. стр. 105).

Большую роль в измене «Георгия» Фельдман склонен приписывать потемкинскому доктору Голенко. Хотя любопытно отметить, что жандармский полковник Кузубов доносил потом по начальству, что комиссия «Потемкина» под руководством врача Голенко и евреев сбивала команду «Георгия», тогда как Козьменко упорно предлагал георгиевцам итти на Севастополь и сдаться начальству».

История измены «Георгия» рисуется в следующем виде:

Когда стало окончательно известно, что среди георгиевцев раскол, что подавляющее большинство матросов желает итти в Севастополь, что авторитет таких передовых революционеров, как Кошуба, Дейнега и др. *) с каждой минутой падает, на «Потемкине», наконец, сообразили, что во всем виноваты кондуктора, которых надо было арестовать с самого же начала.

— Надо было немедленно исправить ошибку решительными мерами—пишет Фельдман—иначе дезорганизация пойдет еще глубже. Сообразно с этим комиссия решила немедленно отправить на «Георгия» депутацию из нескольких человек с вооруженным караулом, чтоб арестовать кондукторов и привести их на «Потемкин».

Несколько ораторов должны были об'яснить георгиевской команде значение этой революционной меры, чтоб не возбудить ее против себя же.

---

*) Дорофея Кошубу и Дейнегу, (а не Денигу, как пишет Фельдман) потом расстреляли в Севастополе. Воспоминания Фельдмана о Кошубе (сб. 121 стр.) заслуживают быть помещенными в хрестоматию.

«Но возник вопрос: кому ехать в качестве ораторов. Кирилл решительно отказался, ссылаясь на слабость своего голоса; то же ответил и Матюшенко... Тут доктор Голенко, еще утром говоривший на «Георгии» против сдачи, предложил свои услуги.

Это предложение отчасти разрешало затруднение, так как доктор, хотя и не обладал ораторским талантом, мог действовать на матросов авторитетом офицерского мундира... К доктору присоединили еще двух матросов.

О том, что было дальше, Фельдману рассказывал потом матрос З. (вероятно, тов. Заулошнов, привлекавшийся впоследствии по одному со мною делу).

Пришедши на «Георгия», Голенко вдруг заявил матросам, что команда «Потемкина» хочет сдаться и просит георгиевцев итти с ней в Севастополь, что только несколько человек хотят бороться и держат в своих руках команду, что не сегодня—завтра матросы сбросят власть и пойдут в Севастополь...

Такая речь доверенного депутата «Потемкина» произвела потрясающее впечатление на команду. З. (Заулошнов) пробовал отвечать, но доктор и кондуктора не давали ему говорить. Так продолжалось часа два, и, наконец, доктор вместе с командиром «Георгия» выполнил весь маневр.

Пока Фельдман долго думал о том, жалеть ли ему или не жалеть, что он не пошел с Голенко на «Георгия», пока комиссия «Потемкина» (в который уж раз) вырабатывала план дальнейших действий, а Кирилл собирался по всем правилам дипломатического искусства требовать от командующего одесским военным округом не только угля, но и освобождения из тюрьмы всех полити-

ческих, «Георгий Победоносец» снялся с якоря и отошел от «Потемкина».

Испугавшись, однако, 23-пудового снаряда из 12-дюймовой пушки «Потемкина», «Георгий» как будто раздумал. Заметив зловеще наставившиеся на него орудия, которые вот-вот начнут пальбу, «Георгий» ответил сигналом: «Иду на место». Повернув, он действительно направился на прежнее место, но останавливаться и не думал.

В то самое время, когда георгиевский командир, боцман Кузьменко, стал симулировать возвращение и примирение,—потемкинский командир, прапорщик Алексеев, стал симулировать... обморок. С ним, видите ли, сделалось дурно. Этот человек понимал, что сейчас от него потребуют решительных действий,—и чисто по-бабьи нашел для себя выход из положения.

Правильно учтя, что на «Потемкине» не трудно вызвать дезорганизацию и панику, консервативные элементы «Георгия» моментально повернули броненосец в сторону одесской бухты. Судно зарылось носом в песок.

— Наступила страшная, решительная минута— пишет Фельдман—положение наше сделалось опасным, опасным потому, что представилась возможность соединения «Георгия» с берегом. На него теперь могли по молу взойти солдаты, и тогда в распоряжении правительства очутилась бы та сила, которой недоставало ему.

С другой стороны, через день—другой может притти очищенная от революции эскадра, и мы очутимся между двух огней. Но решительные и быстрые действия с нашей стороны могли бы предотвратить эту опасность.

Надо было немедленно послать к броненосцу миноноску, чтоб арестовать кондукторов, расставить на «Георгии» у пушек караул и затем заста-

вить один из стоящих на рейде пароходов снять с мели «Георгия» и нашими пушками не допустить соединения его с войсками. Матросы «Георгия» не посмели бы противодействовать нам, имея перед собой грозную силу «Потемкина».

Опасения Фельдмана, что «Георгием» могут воспользоваться сухопутные генералы, не лишено было оснований. Это видно, хотя бы из того, что, как телеграфировал об этом в Петербург жандармский полковник Кузубов, еще 18 июня, около 5 часов дня начальник порта Дамаскин заманил к себе боцмана Кузьменко с несколькими матросами и хотел было уже послать на броненосец 50 верноподданных солдат.

19 июня в 3 часа пополуночи генерал от кавалерии Каханов телеграфировал из Одессы в Петербург:

«Я счастлив донести вашему императорскому величеству, что явившиеся ко мне выборные от команды броненосца «Георгий Победоносец» заявили полную свою покорность, искреннее раскаяние и упование на ваше монаршее милосердие».

Это было началом конца.

Огорошенная всем происшедшим, не видя нигде помощи и союзников, а, наоборот, видя и чувствуя всюду измену, команда «Потемкина» сразу же растерялась. Еще раньше, среди наиболее отсталой части матросов, не говоря уже о сознательных врагах революции, стали раздаваться, сперва шопотом и с оглядкой, а потом все громче и громче возгласы:

— В Румынию... Ничего из э т о г о не выйдет, надо удирать и спасаться...

Впервые мысль о возможности скрыться от мести царского правительства в какой-нибудь иностранный порт появилась, кажется, у Коваленко, человека, хотя и симпатичного, но которому были

чужды революционные чувства. Коваленко, конечно, и не думал, что случайно высказанная им мысль о румынском порте будет подхвачена и другими, вроде Алексеева.

После трагической развязки с «Георгием» крики: «В Румынию... В Румынию...» стали подхватываться большинством команды.

К великому разочарованию Кирилла и Фельдмана, паническим настроением заразился и Матюшенко. На «Потемкине» не было людей с твердой волей, ясным сознанием того, чего они хотят, что нужно делать, и «Потемкин» снялся с якоря и поплыл к берегам Румынии.

Наиболее сознательная часть команды уверяла себя и других, что восстание на броненосце еще не закончилось, что в Румынии надо будет лишь запастись углем и провизией и затем вернуться обратно к русским берегам и продолжать начатое.

Мало-по-малу охватившее всех отчаяние стало сменяться более бодрым настроением. Стали раздаваться голоса о том, что не все еще погибло, что «Потемкин» увидит еще лучшие дни. Барометр толпы—Матюшенко—тоже стал уверять, что из создавшегося положения вовсе не вытекает необходимость сдачи броненосца румынскому правительству. В этом же смысле и высказалось большинство комиссии.

Кирилл очень кстати нашел среди книг капитанской библиотеки собрание каких-то узаконений, где черным по белому говорилось об обязанности каждого государства выдавать чужих дезертиров. Это был очень убедительный довод против тех, кто тешил себя мыслью о безнаказанности высадки в Румынии.

Оставалось продолжать восстание. Но для этого надо было связаться, наконец, с береговыми революционными организациями, надо было свя-

заться с городскими рабочими, следовательно, надо было вернуться назад, хотя бы на Кавказ, где давно уже волновались крестьяне и рабочие.

С другой стороны, необходимо было оповестить Европу и европейские правительства о том, чего собственно добивается «Потемкин». С этой целью было составлено и напечатано на машинке воззвание ко всему цивилизованному миру и другое обращение по адресу правительств европейских стран:

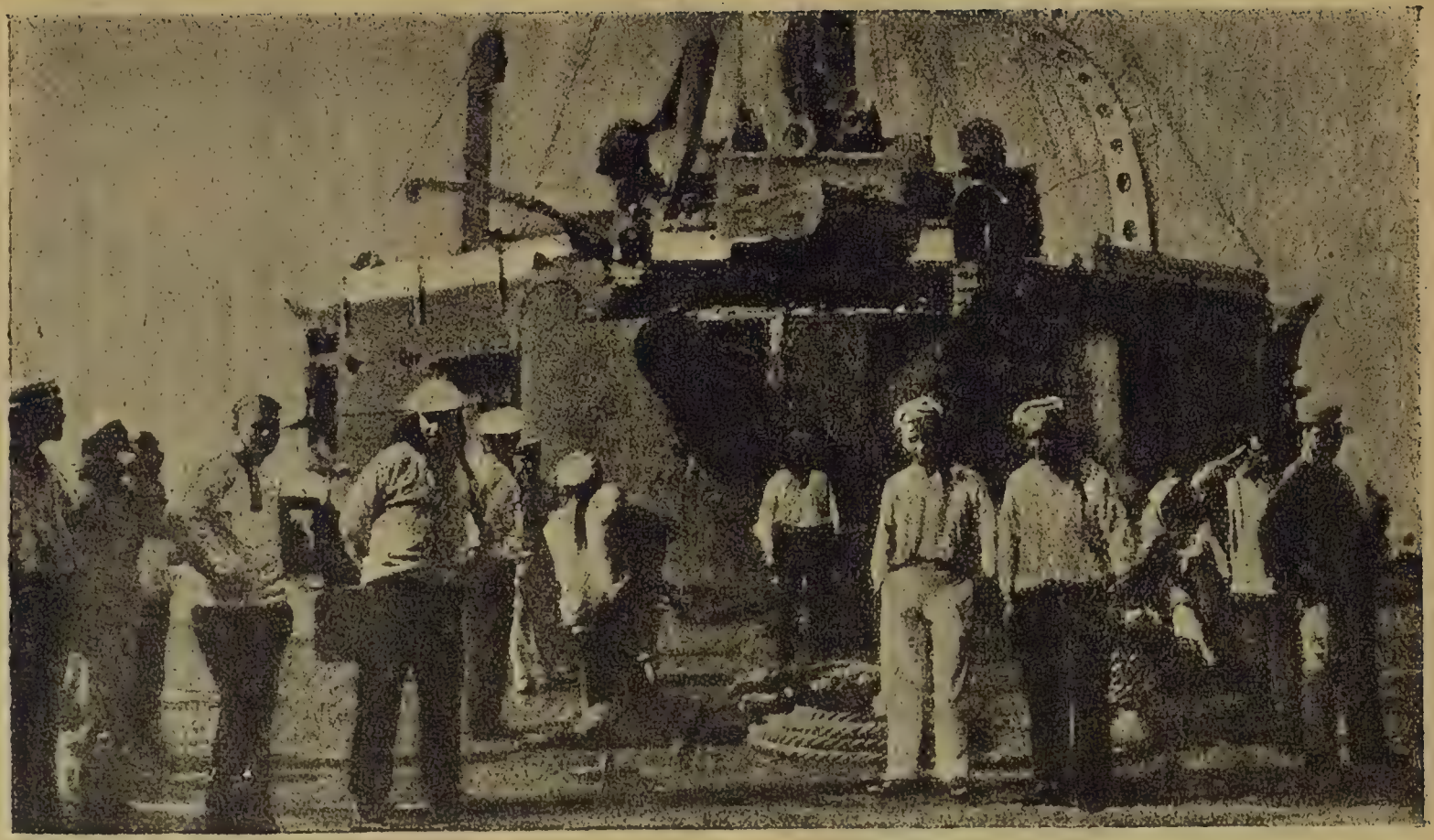
«Граждане всех стран и народов.

Перед вашими глазами происходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди—«долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода»—как гром прокатился по всей необ'ятной Руси.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей родине.

Однако, обезумевшее правительство забыло одно, что темная и забитая армия, это сильное орудие ее кровавых замыслов, есть тот же народ, есть те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиться свободы. И армия рано или поздно поймет это и сбросит, наконец, с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев.



Команда «Потемкина» на берегу в Констанце.

И вот мы, команда эскадренного броненосца «Потемкин Таврический», решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас проклятье, как с убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И наш общий девиз:—смерть или свобода для всего русского народа.

Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Манчжурии. Мы требуем непременного созыва всенародного учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы, вместе с нашим броненосцем, пасть в бою или выиграть победу.

Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и всех народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу.

Долой самодержавие! Да здравствует учредительное собрание!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический» и миноносца № 267».

За такой же подписью было напечатано воззвание «Ко всем европейским державам»:

«Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический» начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся».

20 июня броненосец пришел в порт Констанцу (Кюстенджи), отдав по всем правилам международной вежливости салют в 31 выстрел. Примчавшиеся на катере румынские офицеры были не менее вежливы, наговорили матросам много комплиментов, но когда дело дошло до продажи «Потемкину» угля и провизии, то любезные румыны ответили категорическим отказом.

Румынское правительство предлагало матросам высадиться на берег, обещало неприкосновенность личности и прочие блага. Но как ни удручены были матросы всем предшествующим, они не могли не понимать, что им просто готовят ловушку. На предложение о сдаче отвечено было категорическим отказом.

Но куда же теперь итти?

Кирилл предлагал вернуться в Одессу, где легко можно установить связь с революционными организациями, где много угля, провизии и т. д. Но, если даже маловероятно было обескураживающее указание Алексеева на то, что одесский порт заминирован, то весьма вероятно было соображение Фельдмана о том, что одесские власти, наверно, как следует подготовились уже на случай возвращения «Потемкина».

Отвергнуто было также предложение направиться в Керчь или Евпаторию. Последний городишко был указан Алексеевым, который, спекулируя на неосведомленности матросов и имея в виду намерение очутиться вместе с броненосцем поближе к Севастополю, уверял всех, будто в Евпатории (где нет даже и гавани) легко достать угля.

Одесса, Керчь и Евпатория были забракованы. Остановились на Феодосии. Город этот нетрудно было бы и совсем захватить в свои руки, но по военно-стратегическим соображениям это не входило в план команды. Решен был не захват города,

а только использование его как поставщика провизии, угля и пресной воды.

22 июня на рассвете броненосец прибыл в Феодосию. По требованию потемкинцев на судно явились представители города во главе с правым кадетом Крымом и городским головой Дуранте. По требованию броненосца в тот же день на «Потемкин» было доставлено с полсотни пудов мяса, машинного масла, бочка вина, 3 пуда табаку, 300 пудов муки и хлеба, кое-что для больных и проч. Зато, самого главного,—угля и пресной воды для машин,—получить не удалось.

Военное начальство Феодосии, растерявшись в первые часы прихода броненосца, скоро пришло в себя. Оно, очевидно, исходило из уверенности, что «Потемкин» не станет обстреливать город. У военных властей было представление о далеко не единодушном настроении команды «Потемкина»; письма, которые потемкинцы передали на берег для отправки родным, перехваченные жандармским полковником Загоскиным, говорили об усталости команды, о разногласиях в распоряжениях. Во многих письмах матросов проглядывает раскаяние и сожаление, что примкнули к бунтовщикам, описывается голод и отсутствие провизии, угля, воды,—и полный внутренний беспорядок.

Подбодренный всем этим начальник гарнизона, генерал-майор Плешков, тупой солдафон, предпочитавший разгром города малейшему отступлению от, так называемого, «долга и присяги царю и отечеству», настойчиво советовал городскому голове и некоторым гласным не исполнять требований мятежников и не снабжать «изменников» провиантом *).

---

*) Представители города настаивали на удовлетворении требований «мятежников». Сообщая об этом, жандармский

В таком же духе генерал Плешков получил приказ от командира 7 армейского корпуса из Симферополя.

Попытки потемкинцев связаться с Феодосийской организацией РСДРП, если бы даже и удались вполне, особенного значения не имели бы, в виду слабости самой организации и ничтожного количества фабрично-заводских пролетариев в этом городишке.

Между тем уголь не появлялся. Броненосец лишался своих жизненных соков, настроение команды катастрофически падало. Время уходило в бесцельном ничегонеделании. Пришлось прибегнуть к угрозам. Как ни тяжела была перспектива громить мирных жителей за то, что военное начальство мешает городской управе помочь броненосцу, как эта перспектива ни действовала удручающе и разлагающе на матросов, но другого исхода не было.

Поздно ночью послано было городской управе и начальнику гарниона требование: «К 6 часам утра 23 июня доставить на броненосец уголь и пресную воду, иначе город будет подвергнут бомбардировке»...

Генерал Плешков требование «Потемкина» разорвал, а гор. голове Дуранте приказал не исполнять его. Дуранте выпустил об'явление к жителям об ожидающейся беде. Горожане, кто только мог, бросились бежать в горы из своих квартир, захватывая пожитки, кто пешком ,а кто побогаче—на лошадях. Войска окопались и приготовились к бою, а самый город был об'явлен Плешковым на военном положении.

полковник Загоскин, человек, очевидно, понимавший социальную подоплеку фрондировавших тогда либералов, ехидно добавляет: при этом докладываю, что господа Дуранте и Крым обладают в Феодосии громадным недвижимым имуществом и, видимо, главным образом, опасались не за город, а за свои роскошные дома.

Очень интересно отметить, что в Феодосии в это время находилось всего лишь 7 рот (по 60 человек в каждой) пехотного полка, под командой полковника Герцыка, и запасный батальон, по мнению самого начальства ненадежный в политическом отношении.

Представитель управы, передавая приказание Плешкова, умолял Матюшенко и Фельдмана подождать еще пару часов; вызвали по телеграфу таврического губернатора, авось, мол, этот окажется гуманнее. Но ждать дальше было явной бессмыслицей.

Однако, прежде чем вернуться на броненосец и побудить команду начать стрельбу, Матюшенко и Фельдман решили исследовать гавань и, если найдется уголь, то забрать его без всякого разрешения властей. Отправились в разведку—и оказалось, что никакого труда не составляет достать от 15 до 30 тысяч пуд. угля.

Обрадованные этим открытием, и, второпях, не сделав никаких приготовлений на броненосце, не обеспечив себя готовностью команды поддержать их в случае ареста, Матюшенко, Фельдман, Кошуба, Заулошнов и Никишкин сели на катер, а человек 10 рядовых потемкинцев сели на миноносец и отправились за углем.

Кирилл в это время занят был на берегу другим делом.

Всем казалось, что стоявшие на берегу солдаты, имея перед собою не только миноноску с 2-мя пушками Гочкиса, но и грозный броненосец, не станут стрелять в матросов, забирающих уголь.

Наиболее пылким из потемкинцев казалось даже, что солдаты вот-вот сами начнут расстреливать своих командиров и присоединятся к восставшим.

Между тем, в то время как группа матросов возилась на барже с углем, пришвартовывая ее к миноносцу, а Кирилл усердно и горячо агитировал сбежавшихся на столь необыкновенное зрелище обывателей,—не растерявшийся полковник Герцык приказал солдатам открыть огонь по шхуне с углем, по катеру и миноносцу.

Миноносец с рядовыми потемкинцами первым дал машине полный ход и пошел к броненосцу, возле которого он чувствовал себя в безопасности. На катере же, где было больше сознательных, от неожиданности все растерялись. Сохранивший самообладание Матюшенко, несмотря на град пуль, задевавших и его лично, все же привел катер к «Потемкину».

Раненный в сердце матрос Никишкин упал с угольной баржи в воду. Фельдман бросился за ним туда же на помощь. В воде барахтались и тонули другие раненные матросы. Солдаты стреляли пачками, и новая пуля доканала Никишкина. Фельдман, было, нырнул вслед за ним, но тот пошел ко дну, как камень.

Вскоре солдаты подобрали окоченевших в воде и выбивавшихся из сил самого Фельдмана, Кошубу, Задорожного и еще 5—6 матросов,—всех их, конечно, арестовали, посадили сперва на гаупвахту, а потом в тюрьму. Из Феодосии их перевели в Севастополь.

Надо отметить, что не все солдаты были загипнотизированы приказаниями раз'яренного, как зверь, полковника Герцыка. Среди феодосийских солдат был один бундовец, Иосиф Молидловер (или, как Фельдман называет его—Могидловер). После ареста Фельдмана он дежурил на гауптвахте. Узнав подробности восстания, Мочидловер сильно негодовал на солдат, стрелявших в матросов, очень волновался и предлагал свою помощь для побега.

Но вышло так, что когда устроивший смотр солдатам полковник Герцык произнес свирепо черносотенную речь и похвалил солдат за стрельбу, нервный и чуткий Иосиф Мочидловер не выдержал, схватил у стоявшего поблизости солдата винтовку и сделал два выстрела. В роте он служил барабанщиком, винтовкой владел плохо, к тому же он сильно волновался. Вышло так, что Мочидловер попал не в Герцыка, а в соседнего солдата*).

Он оставил к солдатам и рабочим предсмертное письмо, которое наш Крымский союз издал потом отдельной прокламацией.

Обстрел катера, вид убитых и раненых, абсолютная неожиданность всего происшедшего подействовали на потемкинцев, как взрыв бомбы.

Незначительная часть команды бросилась мгновенно к орудиям, чтоб открыть огонь по городу.

Особенно настаивал на этом примчавшийся на броненосец Кирилл. Но большинство команды и слушать об этом не хотело. Лучшие из них, в том числе и Матюшенко, отделывались тем соображением, что нельзя, мол, стрелять в ни в чем неповинных жителей, из которых пострадает, главным образом, беднота.

Точно также, нельзя, мол, из-за офицеров наказывать солдат, людей бессознательных и темных.

Худшие из матросов и, особенно, поднявшие голову кондукторы, стали кричать о том, что надоело

*) Мочидловера, конечно, сейчас же задержали, и около месяца держали до суда.

Феодосийская с.-д. организация, опираясь на сочувствие охранявшего Мочидловера караула и местных либералов, собиралась устроить Мочидлозеру побег, но долго канителилась с этим делом. Возмущенный медлительностью товарищей, я, в конце концов, сам выехал из Симферополя в Феодосию, чтоб закончить начатую феодосийским комитетом работу. Но было уже поздно. Дня через три после моего приезда Мочидловера казнили.

Высадка команды «Потемкина» на берег в Констанце.

все это, что надо положить конец блужданию по морю, не зная, что будет завтра и послезавтра.

Пред всеми стоял угрожающий факт: угля нет, провизии город больше не отпускает. Сочувствия и поддержки—ниоткуда. После долгих споров и перебранки стали опять раздаваться голоса:

— В Румынию... В Румынию...

И к 12 часам 23 июня, как бы отогнанная от города кучкой солдат, могущественная плавучая крепость снялась с якоря, взяла на буксир неразлучный миноносец № 267 и вышла в море.

— «Перед нами опять встал вопрос—что теперь делать? — рассказывает Матюшенко». Собрали команду и спросили ее—что делать: итти ли в Севастополь и сдаться правительству?

— Нет—закричали все в один голос—лучше смерть где-либо, чем отдаться опять в руки русскому правительству.

«Но у нас не было воды для питания котлов и для питья команды, не было угля, машина растрепалась, машинная команда едва двигалась, ведь, мы были целых десять дней непрерывно под парами, десять дней топили без перерыва шестнадцать котлов. Десять дней машинисты и кочегары были в адской жаре и беспрерывной работе. Без угля, без воды, с измученной командой и расшатанной машиной. Да и боевая способность нашего броненосца была уже не та, что прежде.

Все это вместе взятое и заставило нас решиться ехать в Румынию и там сдаться».

24 июня поздно ночью «Потемкин» снова прибыл в Констанцу. Чтобы скорее отделаться от мятежных матросов, румынское правительство гарантировало им неприкосновенность личности и свободу передвижения. Вскоре оно расселило их по разным городам Румынии.

На второй день прибытия броненосца в Кюстенджи (Констанцу) в гавань приехал видный деятель тогдашней меньшевистской «Искры» т. Х. Раковский, который оказывал потемкинцам большое и всестороннее содействие.

Прибывшая вскоре Черноморская эскадра во главе с адмиралом Писаревским увела броненосец в Севастополь, захватив заодно с собою пришедших с поклоном прапорщика Алексеева, сигнальщика Вердермейера, кондукторов и прочую почтенную публику.

Этим и закончилась «потемкинская» эпопея.

В море мы похоронили красный флаг—флаг свободы, равенства и братства, чтоб он не достался в чужие руки. Черное море было свидетелем наших слез и горя. Было тяжело смотреть, как то опускался, то подымался красный флаг на гребнях волн, точно призывая нас продолжать борьбу...

«Дружественные» царской России румыны, едва матросы оставили «Потемкина», принялись за хищение ценных вещей на броненосце, морских приборов, биноклей, машинных частей и т. д.

Интересно отметить, что в первое посещение Констанцы «Потемкиным» просвещенные румынские офицеры с крейсера «Елисавета» предложили русским матросам продать броненосец Румынии и остаться жить у румын. Находчивый Матюшенко ответил соблазнителям-офицерам через переводчика:

— Мы пришли сюда не шкуру свою спасать— ей цена 3 копейки в базарный день... Что же до продажи броненосца, то скажите сперва: за сколько вы продадите нам вашу «Елисавету».

Это было сказано в п е р в ы й приход «Потемкина», накануне отплытия в Феодосию.

Когда «Потемкин» был еще в руках «мятежников», у различных деятелей царского правительства

возникали на счет броненосца интересные планы, одни «патриотичнее» другого *).

Мы уже приводили выдержку из шифрованного телеграфного доклада вице-адмирала Кригера, который «решил экстренно организовать отряд минных судов для ведения правильных атак на «Потемкина» и «Георгия». Не менее патриотичен и совет одесского жандармского полковника Кузубова: прислать из Петербурга подводные лодки или миноносцы для взрыва «Потемкина», стоявшего тогда еще возле Одессы. Через три дня тот же «истинно-русский» человек телеграфирует департаменту полиции в Петербург:

«Ввиду того, что «Потемкин» розыском миноносок в водах Черного моря не обнаружен, явилось предположение об уходе его к заграничным портам»...

Заключительным аккордом, в котором защита своих интересов смешивается с жаждой мести восставшим рабам, звучит телеграмма севастопольского подполковника Бельского уже от 21 июня: «Потемкин», по слухам, в Кюстенджи. Морские офицеры просят разрешения, без участия матросов, взорвать минами «Потемкина».

* * *

Необходимо здесь хотя бы вкратце остановиться на другом трагическом инциденте, имевшем место в эти героические дни.

Когда восставал «Потемкин», в г. Николаеве находилось учебное судно «Прут». Здесь имелась сплоченная группа революционеров, с Александром Петровым во главе. Петров был очень развитый социалист, член с.-д. организации.

*) Между прочим заграничная печать того времени сообщала об обращении царского правительства за чисто полицейской помощью против «Потемкина» к правительствам Румынии и Турции.

Едва услышав о восстании «потемкинцев», группа «прутовцев» арестовала командира Барановского и выбрала комитет судна. «Прут» помчался к Одессе, чтоб соединиться с «Потемкиным», где об этом ничего не знали. Больше того, когда вдали показался дымок и флаг военного судна (то был флаг «Прута»), на «Потемкине» стали раздаваться крики: «эскадра». Мигом созвана была комиссия. Кирилл и Фельдман произнесли соответствующие речи, звали в бой за свободу... Уже должна была раздаться боевая тревога, как сигнальщик крикнул, что это, ведь, «Прут» и что он поворачивает к Николаеву. Кто-то предложил нагнать и захватить его, но на это ответили, что «Прут» быстроходен, и его невозможно догнать...

Овладев судном революционная группа отправилась в поиски за «Потемкиным». 19 июня около 5 часов дня «Прут» подходил уже к Одесскому порту и осведомлялся, куда ушел «Потемкин». Не получив указаний, «Прут» удалился.

«Потемкина» в Одессе не было уже. Очутившись одна-одинешенька в Черном море, обескураженная команда «Прута» пала духом и поддалась уговорам направиться в Севастополь и сдаться на милость Чухнина. Арестованный А. Петровым капитан Барановский дал матросам честное слово офицера, что все они будут помилованы. Освобожденный из-под ареста Барановский тут же арестовал Петрова и его сотрудников.

21 июня севастопольский жандарм, подполковник Бельский телеграфировал из Севастополя в Петербург: «Возвратилось учебное судно «Прут» из Николаева. Судно стоит под караулом».

В июле А. Петрова судили. На суде он держал себя в высшей степени героически. Он произвел большое впечатление не только на защитника, известного тогда адвоката Куперника, но и на воен-

ных судей. Судьи относились к нему с большим уважением, что, конечно, не помешало им приговорить его к расстрелу *).

Ал. Петров был казнен вместе с тремя другими «прутовцами»—Титовым, Черным и Бондаренко—на северной стороне в Константиновском порту.

Таким образом мятежный «Прут» обратили в плавучую тюрьму.

* * *

В это время Комитет Крымского Союза РСДРП тоже переживал не мало волнений, чувствуя бессилие и невозможность руководить событиями.

Тов. Ленин о «Потемкинском» восстании пишет:

«Переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, к сопоставлению ее лицом к лицу с европейскими государствами. Этого обстоятельства не надо забывать при оценке следующего сообщения из Петербурга в парижскую газету «Ле Матэн». «Во всем этом происшествии с «Потемкиным»—пишет газета—поразительна непредусмотрительность русских властей. Но нельзя не отметить также недостатки в организации рево-

*) Севастопольская организация РСДРП имела, по ее мнению, основание предполагать, что не будь в суде полковника Александрова, черствого и жестокого вещателя, Ал. Петров получит не смертную казнь, а каторгу. Двое рабочих взялись убить Александрова и испрашивали у Крымского Союза санкции на столь необычайный для эсдеков акт. Помню, т. Шехтер (Гриневич) высказался в пользу террористического акта, а другой меньшевик, Вал. Фомин, категорически высказался против предложения рабочих. Двое других марксистов тоже доказывали что-то длинное и ученое. Не знаю, насколько основательны были расчеты севастопольского комитета, но пока мы мудрили и дискуссировали, Ал. Петрова и товарищей расстреляли.

Приблизительно в это же время были расстреляны «георгиевцы» Дейнега и Кошуба.

люции. Революция овладевает броненосцем—событие, невиданное в истории—не зная в то же время, что с ним делать».

«Тут есть большая доля правды—пишет Ленин.—Мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчет необходимости организовать революцию, поставить восстание в число неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упреки по поводу плохой постановки революционных функций» *).

Сидя в Севастополе и Симферополе, мы с блуждающим по морю броненосцем не имели никакой связи. Сил и возможностей у нас было очень мало, и не столько «сил», сколько «возможностей». События нарастали и развивались слишком быстро, отрывками долетали до нас, и мы не могли своевременно связать их между собой.

Впрочем, связаться с восставшими с трудом удавалось и большевикам.

Тов. Васильев-Южин припоминает спустя 20 лет следующую инструкцию, которую Владимир Ильич дал ему тогда **):

— «Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. Предложите им захватывать помещичьи земли и соеди-

---

*) Цитирую по хрестоматии С. Игната: «Моряк в Революции 1905—1906 г. М. 1925 г. 132 стр.

**) С. Игнат—Моряк в Революции 1905—6 г.г. стр. 150.

няться для общей борьбы с рабочими. Крестьянам уделите больше внимания. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение».

— Ильич явно волновался и увлекался—пишет тов. Васильев-Южин.—В таком состоянии я раньше никогда его не видел. Особенно меня поразили и, каюсь, удивили его дальнейшие планы.

«Дальше необходимо сделать все, чтоб захватить в свои руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к «Потемкину». Нужно только действовать решительно и смело. Тогда немедленно посылайте миноносец за мной. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич?—сорвалось у меня.

— Разумеется, считаю совершенно возможным. Нужно только действовать решительно и быстро— уверенно и твердо повторил он.

Сознаюсь, что у меня такой уверенности не было. Года за три до того я жил в районе Одессы и несколько знал местные условия. Настоящих рабочих пролетариев в торговой Одессе было сравнительно немного, а херсонские крестьяне, особенно вблизи Одессы, представляли далеко не надежный в революционном отношении элемент. На легкое завоевание Черноморского флота я тоже не рассчитывал».

Тов. Васильев-Южин прибыл в Одессу, но было уже поздно. Точно такая же неудача постигла его, когда он, в погоне за «Потемкиным», примчался в Новороссийск.

К тому же многим революционно-настроенным матросам, примыкавшим к с.-д. организации, пришлось перейти на нелегальное положение, а Севастопольский комитет, во избежание провала, вынужден был еще больше законспирироваться.

Попытки заграничных с.-д. организаций, особенно связанной с нами женевской «Искры», оказать помощь «Потемкину» еще меньше могли рассчитывать на успех.

Обширные зашифрованные послания «Искры» получены были не потемкинцами, а нами, членами комитета, заседавшими в Симферополе, и лишь тогда, когда с мятежным броненосцем уже все было кончено.

Из членов комитета Крымского Союза литератор Вл. Андр. Могилевский был в от'езде.

Самуил Гурвич, впоследствии отбывший двукратную каторгу, сидел в это время в феодосийской тюрьме. Почтенный теоретик—марксист того времени—«Василий Иванович» (Валентин Фомин, много лет спустя, увы, докатившийся до... колчаковщины) был занят местной работой. Я же, помимо обязанностей секретаря Крымского Союза, связан был еще общим заведыванием тайной типографией. Оставались более или менее свободными только два члена комитета: Шехтер (Гриневич, он же «Петр Иванович»), старый партийный работник из харьковских студентов, и «товарищ Касьян», как звали высокого, худощавого и одноглазого инженера-химика, приехавшего к нам из Женевы.

Оба они то и дело ездили курьерским поездом из Симферополя в Севастополь и обратно, пытались что-нибудь сделать, но тщетно.

Из наиболее видных деятелей «потемкинской» эпопеи остановимся на судьбе Константина Фельдмана и Афанасия Матюшенко.

В Феодосии, в связи с попыткой овладеть угольной баржей, был ранен Никишкин. Бросившись в воду, чтоб спасти раненого, Фельдман, совершенно обессиленный и окоченевший, был вытащен из воды береговыми солдатами.

После долгих и тяжелых мытарств, особенно в пловучей тюрьме «Прут», Фельдмана доставили в севастопольскую гражданскую тюрьму, а отсюда по приказу Чухнина его перевели на гауптвахту. Киевские и одесские меньшевики и бундовцы вскоре после ареста Фельдмана приступили к организации его побега. Большую роль в этом деле сыграли: известный в те годы на юге России партийный работник «Кузьма», он же «Федор»,—по настоящему С. Зборовский, выдающийся организатор и типичный конспиратор, впоследствии осужденный по делу Петербургского Сов. Раб. Депутатов 1905 г.,— и две молодые бундовки. Приезжали еще в Севастополь брат Фельдмана и один студент. Из севастопольской партийной и сочувствующей публики деятельно помогали побегу Ник. Конторович, сестры Ламм, студент Спиро и еще некоторые.

Стороживший Фельдмана на гауптвахте ефрейтор Андрей Бурцев, отчасти прельщенный денежной наградой, но больше побуждаемый сочувствием революционерам, связал Фельдмана с семейством Ламм, а затем и сам согласился бежать вместе с ним. Без особого труда был сапитирован беспартийный солдат, еврей М. Штрык, которому давно уже надоела царская казарма.

Бешенство севастопольских властей с Чухниным во главе, когда они 14 августа узнали об исчезновении Фельдмана, было велико. Приблизительно так же они были взбешены, когда через год из той же гаупвахты бежал известный террорист (тогда еще с.-р.) Борис Савинков.

Полиция, жандармы, солдаты—все было поставлено на ноги. На пристани и на вокзале были расставлены усиленные патрули, было даже арестовано несколько человек, в которых подозревали Фельдмана.

Между тем скрываться беглецам в городе становилось все труднее и труднее. К тому же, некоторым из организаторов побега нужно было, во избежание ареста, срочно выехать из Севастополя. Закончить начатое дело было предложено комитету Крымского Союза, в частности, «тов. Виктору», автору этих строк. Приехав из Симферополя и убедившись, что обычным путем беглецов из Севастополя не вывести, я решил использовать следующий способ.

Срочной телеграммой я вызвал из Евпатории тогда еще студента А. А. Иоффе, отец которого арендовал конно-пассажирское сообщение между Севастополем—Ялтой—Симферополем. При участии его, С. М. Зарецкой и еще одной дамы с ребенком, нагруженные корзинками с едой и фруктами, Фельдман, Бурцев и Штрык были в два приема вывезены из Севастополя.

А. А. Иоффе, Фельдман и сопровождавшая их дама изображали бар, выехавших в карете с четверкой лошадей на увеселительную прогулку, а загримированный и перекрасивший усы Бурцев изображал их лакея.

А. А. Иоффе хорошо знали все станционные смотрители и окрестное начальство. Отчасти поэтому для наших путешественников гладко прошла встреча сперва с караульным начальником и унтерофицером из гаупвахты же, а затем и с урядником.

Из Ялты Фельдман перебрался в Симферополь, где в своем загородном имении скрывали его сочувствовавшие эсдекам «кадеты» Конради.

Бурцеву и Штрыку я дал в провожатые одного толкового парня, который и доставил их в Киев; отсюда их перебросили заграницу. Заграницу же через месяц после побега перебрался и К. Фельдман.

Побег Фельдмана вызвал сенсацию в России, Европе и Америке.

Через некоторое время мы (в том числе и Шехтер, М. С. Козель*) и еще некоторые товарищи) пытались устроить побег группы «георгиевцев» и «прутовцев», осужденных на каторгу и находившихся в Севастопольской гражданской тюрьме. Связались мы с надзирателем Байздренко, две ночи провели под проливным дождем в канаве недалеко от тюремной ограды, заранее приготовили паспорта, штатские костюмы, явочные квартиры и т. д.,— но побег не удался, вследствие измены подкупленного нами Байздренко.

Фельдман и Штрык так и ушли от суда, зато Бурцев в марте 1909 г. был арестован в Ростове-на-Дону, переведен в Севастополь, где его судили и осудили на 10 лет каторги. По отбытии каторги— Бурцев, сделавшийся вполне идейным человеком, занимал ответственные посты в иркутских кооперативных организациях.

Более печально кончил дни свои Афанасий Матюшенко.

Если истосковавшиеся в чужой стране, вдоволь наголодавшиеся матросы, в расчете на амнистию, возвращались в Россию и получали от правительства каторгу, арестантские роты и дисциплинарный батальон, то с вернувшимся в Россию Матюшенко правительство поступило совсем иначе.

Но прежде всего, что собой представлял этот несомненно самый яркий человек среди потемкинских матросов?

Близко соприкасавшийся с ним Фельдман рисует его следующим образом:

---

*) Впоследствии осужденный на каторгу по делу военно-рев. организ. в Польше (процесс А. А. Краковецкого, Калинина и др.).

«Небольшого роста, своими резкими, энергичными чертами лица, выдающимися скулами и маленькими глазами, Матюшенко производил впечатление вылитой бронзовой статуи. Матюшенко не был сознательным соц.-дем. Я даже думаю, что он никогда не был в организации и не знал с.-д. литературы; все знакомство его с ней не простиралось дальше нескольких прокламаций и брошюр.

Но природа наделила его решительностью, необычайной смелостью и чутьем: он удивительно понимал настроение массы. Он был сыном массы, он был только первым из массы.

Когда она молчала—он молчал, когда она стала просыпаться—он первый схватился за оружие, первый крикнул: «долой угнетателей». Храбрый, как лев, когда она была сильна, он терялся и шел во главе отступления, когда масса переставала чувствовать себя сильной; жестокий, когда масса ненавидела, он поражал своей кротостью, когда она прощала; полный кипучей энергии во время под'ема настроения массы, он впадал в апатию во время упадка его. Мысль его шла впереди массы, но не выходила из круга предрассудков, окружавших его». (Сб. 44).

Характеристика эта правильно отмечает основные черты политической физиономии Матюшенко. Можно еще прибавить сведения, данные тов. Невским:

«Матюшенко,—крестьянин Харьковской губ., до восстания ничем особенным не выделялся среди оппозиционно-настроенных матросов. В начале восстания, которое подготовляли и которым руководили исключительно социал-демократы, Матюшенко тоже считал себя с.-д. Эмигрировав после восстания заграницу, он примкнул к с.-р. Из Румынии, как гласит новый обвинительный акт,—Матю-

шенко уехал в Америку, потом жил в Париже, откуда вернулся в Россию.

В июле 1907 г. он был арестован (уже в качестве анархиста-синдикалиста) в Николаеве, уличен, предан суду и приговорен к смертной казни. 17 октября 1907 г., вопреки «именного высочайшего указа» об амнистии, согласно которого казнь «государственных преступников», осужденных по делам, имевшим место до октября 1905 г., должна быть заменена 15 годами каторги, Матюшенко был повешен. «Предварительно, как сообщает министру внутренних дел новый командир Черноморского флота адмирал Вирен, Матюшенко был лишен воинского звания и всех прав состояния».

Со слов одного офицера, присутствовавшего при казни Матюшенко,—В. А. Поссе приводит описание последних часов жизни потемкинского героя.

— «Матюшенко держался удивительно спокойно. Приговор ему читали долго, больше часа... А он стоит, не дрогнет. Только по временам сплюнет в сторону. Подошел священник. Он его слегка отстранил рукой и пошел твердо и легко к виселице, так что палач еле поспевал... Потом видно было, как большая тень повешенного качнулась на стене». (Сб. 32).

* * *

В чем же причина неудачи восстания?

Причин здесь было много.

Прежде всего то, что Потемкинское восстание было первым в своем роде. Ни матросы, ни пытавшиеся руководить ими революционеры не имели опыта и приходилось самим, спотыкаясь и ошибаясь, нащупывать пути.

Летом 1905 года общий ход развития российской революции, несмотря на гигантские шаги, сделанные после 9-го января, был все же слаб. Ра-

бочие и, особенно, крестьяне Одессы были еще весьма слабо захвачены революцией. К местным революционным организациям вплотную примыкали лишь верхушки рабочего класса, широкие же массы страшно медленно раскачивались, а главное раскачивались не одновременно.

Вот что пишет К. Фельдман:

«Разбираясь во всем происшедшем, я увидел, что главная причина, из-за которой наше восстание фатально было обречено на неудачу, лежала вне нас, она скрывалась в недостаточном развитии береговой революции.

Могли ли мы победить, когда вся окрестная Россия так бездеятельно относилась к нашему восстанию? Почему рабочие окрестных городов, из которых подвозились в Одессу войска, молчали? Почему они не разрушали железных дорог, не взрывали мостов, не изолировали одесских властей? Почему окрестные крестьяне не посылали отряды своих сыновей на помощь одесским рабочим?

Потому, что они не были достаточно подготовлены к революции.

Если бы матросы услыхали, что рабочие разрушают железные дороги, чтобы воспрепятствовать подвозу войск, что со всех местностей двигаются отряды рабочих и крестьян на помощь восставшим, что одесские рабочие куют на заводах оружие; если бы одесские рабочие, владея в первый день портом, не ушли бы оттуда, а, не взирая на нежелание матросов действовать, забаррикадировались бы там, словом, если бы берег не ждал, а боролся, то и матросы, не ожидая эскадры, бросились бы на помощь восставшему народу.

«Георгий» изменил, и рухнула последняя надежда на помощь эскадры. Одиночество смутило матросов, кондукторам же помогло выполнить

свой план,—бегство в Румынию. Самый удачный момент для развития восстания был упущен. В первые дни, когда, благодаря растерянности властей, колебаниям одесских полков, было очень легко овладеть городом, мы бездействовали. И в нашем бездействии в значительной степени виновна наша изолированность. А дальше этот фактор чувствовался еще сильней».

В словах К. Фельдмана много горькой правды. И если в чем неправ он, так в утверждении, что восстание «Потемкина» фатально обречено было на неудачу.

Говоря о революционном настроении матросов, надо иметь в виду, что это касалось, главным образом, передовой части матросов, наиболее вдумчивых и темпераментных среди них.

Было бы ложным считать, что среди севастопольских матросов лета 1905 г. не было людей темных, особенно среди новобранцев, людей с ограниченным, чисто мужицким кругозором. Были среди них и такие, вся ненависть которых к господствующим классам выразилась, как свидетельствует тов. Кирилл, в том, что во время самой острой борьбы за овладение «Георгием Победоносцем» они торопились набить свои карманы и сумки добром арестованных офицеров. Были и такие мещане и тупицы, которые, являясь участниками и героями величайшего исторического события, могли волноваться и приставать с назойливыми вопросами, вроде—«скоро ли дадут жалованье», или: «не пропадут ли в севастопольской сберегательной кассе деньжонки, там оставленные, и т. д.

Еще больше было таких, у которых старые привычки, авторитет начальства, преклонение пред

царем, органическая боязнь всяких новшеств, страх перед собственной смелостью—делали их поведение неустойчивым, колеблющимся.

К несчастью, на броненосце таких именно было большинство. Как только удача сменялась малейшей задержкой, они заражались паникой, начинали жалеть о случившемся, старались так или иначе поскорее покончить «со всем этим». В такие моменты большинство потемкинцев прислушивалось к нашептыванию неисправимых шкурников и определенных негодяев, к уговорам таких жалких трусов, маленьких и пошленьких людишек, которые лишь страха ради примкнули к революционерам. Последних эти людишки в душе ненавидели, при малейшем подходящем случае они им изменяли. Здесь надо иметь в виду, главным образом, прапорщика Алексеева, которому сама команда доверила управление броненосцем.

На броненосце, почти без всякого надзора и контроля, были оставлены кондукторы, лицемерно, в минуту опасности, тоже заявлявшие о своем «сочувствии» восставшим.

«Чей хлеб ем,—тому и кланяюсь»—можно сказать про эту категорию. И действительно, кондуктора, т.-е. бывшие квалифицированные матросы, остающиеся на сверхсрочной службе, уже в своем качестве профессионалов, невольно связывали свою карьеру с тем, как к ним относится высшее начальство. В большинстве случаев, кондукторы—самая консервативная, самая реакционная масса.

Надо отдать им справедливость: они не упускали ни одного случая, чтобы повредить восстанию. Исключение составлял инженер-механик Александр Коваленко, честный и преданный друг восставших, весь

остальной командный состав, оставленный на броненосце, систематически пакостил.

Впоследствии от революционно-настроенных матросов мне приходилось слышать укоры, что надо было с первого же момента безжалостно расстрелять всех офицеров.

На «Потемкине» не было никакой надобности непременно всех перестрелять: были другие возможности изолировать офицеров и кондукторов, обезопасить себя от их интриг и предательства. Но изолировать их—было абсолютно необходимо.

Благодушию же матросов не было конца.

Многие руководители восстания преувеличивали степень сознательности матросской массы. Помню, когда я после «Потемкина» попросил одного видного работника, т. Лыдзера, матроса с «Ростислава», дать мне список сознательных матросов, то он принес мне перечень нескольких сот «социал-демократов», которых, мол, он лично знает... Критерий у него был очень упрощенный: ругает «драконов», и охотно слушает, когда «ругают» царя, значит—«наш». Об этом же рассказывает тов. Раковский.

— Нас здесь 300 социал-демократов, готовых умереть — с такими словами встретил его в Румынии матрос Матюшенко.

По более достоверному свидетельству инженера-механика А. Коваленко, на «Потемкине» было вполне сознательных—человек 50, явно и определенно враждебных революционному направлению—человек 70, сочувствующих революционерам—человек 150, остальная же команда (около 500 человек) являлась элементом неустойчивым, способным на короткое время воодушевляться

и еще в большей степени падать духом и теряться при неудаче.

На избранной матросами комиссии лежала огромная работа.

Она имела право заведывать всеми действиями матросов, бесконтрольно распоряжаться всеми деньгами броненосца, издавать приказы об аресте и вести переговоры с властями и организациями. Словом, она м о г л а быть полновластным корабельным органом. Но фактически она н е б ы л а таковым; только в первые дни она решала все по собственному усмотрению. В последнее же время ее влияние сильно упало. Но и в дни наибольшего авторитета своей власти, она не решала сама наиболее крупных выступлений, а передавала их на рассмотрение всей команды.

В последние же дни общие собрания устраивались все чаще и чаще. Заседания комиссии были гласные, и на них всегда присутствовало 100—200 человек. Эта масса выражала свое одобрение или неодобрение речам ораторов, часто высказывала свое мнение и почти всегда голосовала...

Отдавая дань старым традициям,—продолжает дальше К. Фельдман,—команда решила, что управлять броненосцем должен непременно офицер, и выбрала ничтожество—Алексеева. На самом же деле броненосец вел не Алексеев, а матросы. Алексеев, если и брал на себя командование им, то только для того, чтобы внести расстройство и дезорганизацию в действия матросов...

Алексеев и его помощник, боцман Мурзак, должны были давать отчеты о своих действиях комиссии и исполнять все ее приказания. На самом же деле таких отчетов не было: матросская масса, слишком несознательная, не требовала их,

а наиболее ответственные работники не могли за всем уследить *). В самые решительные моменты Алексеев и прочие были, мягко выражаясь, не на месте.

Чтобы ослабить этот дефект, К. Фельдман предложил избрать из среды комиссии исполнительный комитет, который вместе с командирами судна заведывал бы руководящей технической стороной работы. В этот исполнительный комитет удалось провести самых преданных революции людей. Но они были лишены инициативы, и власть все-таки оставалась в слабых руках.

* * *

Восстание потерпело неудачу. Но уже самый факт выступления матросов, самое вмешательство дотоле робких и покорных «нижних чинов» в политическую борьбу с могущественным правительством, расправа их с самодурами-офицерами, страх, обуявший дотоле самоуверенное начальство, перед возможностью новых попыток этого рода, наконец, необычайно «геройское» поведение «доблестной» эскадры адмиралов Вишневецкого и Кригера, удравших со всеми своими броненосцами от одного «Потемкина» — все это не могло не произвести огромного впечатления не только на матросскую массу, но и на солдат.

И, пожалуй, на этот раз Чухнин был почти прав, когда он, 24 июня телеграфировал Николаю II:

---

*) Из 5—6 с.-д. (я говорю о «вольных»), работавших в первые дни на «Потемкине», в конце концов, остались только Кирилл и Фельдман. Несмотря на лихорадочные старания городских с.-д. и с.-р., больше попасть на броненосец никому уже не удавалось.

«Надобно восстановить совершенно уничтоженный авторитет власти. Офицеры совершенно все обезличены».

Дальше в той же телеграмме командир Черноморского флота хвастается тем, что ему удалось несколько упрочить положение, что «измены» больше опасаться не приходится, что зачинщики бунта выданы, неблагонадежные арестованы и т. д.

Но его превосходительство ошибся в своем казенном оптимизме. Он упустил из виду наличность самого великого «агитатора» и «смутьяна» того времени. Адмирал Чухнин забыл о том, что неудачи царского правительства в войне с Японией, такие катастрофы, как поражение царского флота под Цусимой, не говоря уже о непрекращавшемся после 9 января движении рабочих, разночинцев и крестьян,—обстоятельства эти не могли не волновать и не возмущать военную массу.

Оживилась и работа с.-д. организации.

Как это ни странно, но до лета 1905 г. руководящие группы социалистов,—людей, по тому времени сугубо ш т а т с к и х,—мало внимания уделяли работе среди военных. Я помню, как снисходительно поглядывали на меня с.-д. Рыбак (Алексей Тарасевич) и другие комитетчики, когда я, приехав в Одессу из Севастополя еще ранней весной 1905 г., докладывал им о работе во флоте. Лишь после потемкинского восстания соц.-демокр. центры заграницей и в России обратили, наконец, д о л ж н о е внимание на пропаганду среди матросов.

К нам в Крым послано было несколько дельных работников (как, например, Софья Зарецкая, М. Аронов («Мефодий»), Сем. Левкович, Инна Смидович, Виктор Волынский («романовец», осужденный в Якутске и бежавший из Александровской каторжной тюрьмы) и другие.

Двое из приезжих «заграничников», пожилой ветеринарный врач, профессиональный революционер «товарищ Кирилл» и другой—одесский студент «товарищ Кондрат», оба приехавшие к нам из Парижа, остались работать в Севастополе. Им удалось вскоре восстановить прервавшиеся было старые связи с матросами и завести новые связи с саперами, артиллеристами и солдатами Брестского и Белостокского полков.

Снова наладилось распространение прокламаций и брошюр. На окраине города, в Татарской слободе, у Кондрата имелась специальная явочная квартира. Переодевшись в матросский или солдатский костюм, он часто устраивал летучие массовки.

Работа подвигалась довольно успешно.

Через пять месяцев после «Потемкинского» восстания в Севастополе вспыхнуло восстание, связанное с именем лейтенанта П. П. Шмидта.

Тем не менее, безусловно прав тов. Фельдман, когда он говорит:

«Как бы трагична ни была для революции развязка «Потемкинского» восстания, оно само все-таки не перестало от этого быть великим моментом русской революции.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

В ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

МОСКВА, Новая пл., М. Черкасский пер., д. 7.

МАГАЗИНЫ:

Комсомольский — Неглинный проезд, д. 8.

Пионерский — Тверская, д. 37.

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, д. 54.

9, 13-14
30

ср 1954
1246